

9C_e
815

17

Второй

СТОЛѢТІЕ

ДЕКЛАРАЦИИ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

О

ВООРУЖЕННОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русская Скоропечатня (В. Нахимовой), Больш. Садовая, 27.
1879.

C 8/5

W 211
691

07

СТОЛѢТІЕ

ДЕКЛАРАЦИИ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

О

ВООРУЖЕННОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русская Скоропечатня (В. Нахимовой), Больш. Садовая, 27.
1879.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 августа 1879 г.



8491846



2007057091

Въ № 28 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1879 года, напечатана статья подписанная буквами Н. К., въ которой упоминается, что въ 1880 году исполнится столѣтіе со времени объявленія знаменитой деклараціи Императрицы Екатерины II о вооруженномъ нейтралитетѣ. Авторъ доказываетъ, что до сего акта всѣ международныя постановленія и обычаи въ войнѣ на морѣ, клонились исключительно къ выгодѣ сильныхъ морскихъ державъ, въ ущербъ слабымъ, что вовсе не соответствуетъ настоящему понятію и цѣли международного права. Первое ограниченіе произвола сильного надъ слабымъ на морѣ было положено деклараціею Екатерины Великой 27 февраля 1780 г. Актъ этотъ составляетъ славную страницу въ исторіи Россіи, и столѣтній юбилей его объявленія, долженъ чествоваться достойно великой мысли Великой Государыни. Это чествованіе, по мысли автора упомянутой статьи, должно состоять въ дальнѣйшемъ развитіи основаній морскаго равновѣсія, на пользу всего человѣчества. Путемъ для достиженія такой цѣли, авторъ признаетъ объявленіе, въ день юбилея, конкурса на сочиненіе по международному праву, на тѣму о правахъ воюющихъ и нейтральныхъ, на основаніи полного безпристрастія, справедливости и равноправности тѣхъ и другихъ.

Мысль неизвѣстнаго автора возбудило сочувствіе въ средѣ С.-Петербургскаго Отдѣленія Общества содѣйствія русскому мореходству. По предложенію нѣкоторыхъ членовъ, правленіе отдѣленія опредѣлило принять участіе въ осуществленіи мысли автора статьи и для разработкѣ вопроса о конкурсѣ въ честь 100-лѣтняго юбилея акта о вооруженномъ нейтралитетѣ, передало все дѣло въ комиссію.

Желая разработать свою задачу по возможности основательно, комиссія обратилась къ специалистамъ по международному праву и нѣкоторымъ лицамъ, занимающимся вопросами по мореплаванію, и просила ихъ принять участіе въ совѣщаніяхъ о предположенномъ конкурсѣ. Приглашенные приняли предложеніе весьма сочувственно и участвовали въ 2-хъ засѣданіяхъ, стенографическій протоколъ которыхъ напечатанъ ниже.

Въ видахъ всесторонняго обсужденія вопроса о конкурсѣ, который имѣетъ значеніе для всей Россіи, какъ по своему характеру юбилейнаго чествованія славнаго историческаго событія, такъ и по своей тѣмѣ, комиссія рѣшила опубликовать пренія въ совѣщаніяхъ, приложивъ къ нимъ заключительный свой протоколъ и текстъ деклараціи 27 февраля 1780 г., съ цѣлью вызвать въ печати обмѣнъ мнѣній, которыми можно было бы воспользоваться при дальнѣйшей разработкѣ вопроса.

О КОНКУРСѢ

ВЪ ЧЕСТЬ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ДЕКЛАРАЦИИ 1780 ГОДА

„О ВООРУЖЕННОМЪ НЕЙТРАЛИТЕТѢ.“

ПРОТОКОЛЪ

засѣданій 3-го и 16-го апрѣля.

Присутствовали: Е. В. Березинъ, П. В. Березинъ, К. С. Богдановичъ, О. О. Буссе, Г. И. Бутаковъ, В. Е. Бѣлявскій, П. П. Вальронтъ, О. О. Веселаго, Я. Я. Гердъ, А. П. Глазенантъ, П. И. Глуховской, А. Н. Долговъ, А. И. Зеленый, Н. П. Казанскій, Н. В. Копытовъ, Л. К. Калогерасъ, Н. М. Коркуновъ, Л. Б. Крейтеръ, Н. А. Крыловъ, Н. Я. Леманъ, А. И. Любимовъ, О. О. Мартенсъ, В. К. Мейснеръ, баронъ О. Р. Остенъ-Сакенъ, В. А. Полетика, Н. А. Рыкачевъ, И. О. Фридеманъ и Н. П. Харламовъ.

Предсѣдатель. Будущаго 27 февраля исполнится столѣтіе со времени подписанія знаменитой деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ, 1780 года. Въ періодической печати и, прежде другихъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», была высказана мысль, что, въ честь славнаго воспоминанія, слѣдовало бы организовать конкурсъ съ значительными преміями, по вопросамъ морскаго международнаго права. Юридическая комиссія Петербургскаго Отд. Общества содѣйствія русск. торгов. морех. сочувствуя предложенію въ принципѣ, пожелала обстоятельно и подробно обсудить вопросъ и просить участія въ этомъ лицъ компетентныхъ. Отъ лица комиссіи, имѣю честь благодарить уважаемыхъ гостей за благосклонное принятіе ими нашего приглашенія.

Въ настоящемъ засѣданіи намъ предстоитъ обмѣняться взглядами по предмету проектируемаго конкурса. Исполняя свою обязанность, я составилъ программу бесѣды для сегодняшняго вечера, которую доставилъ Вамъ вмѣстѣ съ приглашеніемъ. При составленіи программы, я заботился объ одномъ, наметить такой путь, который давалъ бы возможность къ многостороннему обсужденію во-

проса, который не мѣшалъ бы заявленію и исключительныхъ воззрѣній. Составленная мною программа бѣсѣды заключается въ слѣдующихъ шести вопросахъ.

1) Признается ли желательнымъ и полезнымъ объявленіе конкурса (по темѣ или другимъ вопросамъ морскаго международнаго права) въ память столѣтняго юбилея деклараціи „о вооруженномъ нейтралитетѣ“? 2) Признается ли умѣстнымъ и полезнымъ участіе иностранцевъ въ исполненіи программы конкурса? 3) Слѣдуетъ ли тѣмъ конкурсамъ дѣлать всю пункты деклараціи 1780 года, или только нѣкоторые изъ нихъ и, въ послѣднемъ случаѣ, какіе? 4) Если тѣмъ и программой конкурса будетъ вся декларація 1780 г., то не слѣдуетъ ли выразить желаніе, чтобы, при разработкѣ заданной темѣ, конкуренты обратили особенное вниманіе на вопросъ объ отношеніяхъ между воюющими и нейтральными? 5) Не слѣдуетъ ли предопредѣлить основныя положенія, которыя держаться должно быть обязательно для соискателей премій? 6) Не желаютъ ли присутствующіе заявить какія либо принципиальныя взгляды, или указать какія либо вопросы, на которые они считаютъ полезнымъ обратить вниманіе собранія?

Весьма возможно, что составленная мною программа не даетъ, по мнѣнію собранія, способствъ къ всестороннему обсужденію вопроса, и въ такомъ случаѣ ее можно будетъ теперь дополнить или измѣнить. Не имѣетъ, Мм. Гг., кто либо изъ присутствующихъ сдѣлать по этому предмету замѣчаній или указаній? (*Молчаніе*). Если относительно измѣненія программы бѣсѣды вѣтъ замѣчаній, то я буду просить приступить къ преніямъ; но, предварительно, позвольте мнѣ сдѣлать слѣдующее предложеніе: *Такъ какъ наше собраніе многочисленно, то не найдете ли удобнымъ держаться того правила, что лицо говорившее по которому либо вопросу, вторично пользуется правомъ слова не прежде, какъ другіе желающіе выскажутъ свое мнѣніе по тому же вопросу?*

Бутаковъ. Сдѣланное предложеніе слѣдовало бы дополнить предоставленіемъ лицамъ, уже высказавшимъ свое мнѣніе и другимъ, права коротко выразить свое одобреніе или неодобреніе по дѣлаемымъ заявленіямъ.

(Оба предложенія были приняты).

Примѣчаніе. Нѣкоторые изъ вопросовъ программы были предметомъ обсужденія, какъ 3-го, такъ и 16-го апрѣля. Для удобства читателя, всѣ пренія по тому же вопросу или сгруппированы вмѣстѣ или указано, гдѣ найти продолженіе ихъ. Слова „3-го апрѣля“ или „16-го апрѣля“, напечатаны жирнымъ прифтономъ на заглавномъ мѣстѣ, показываятъ дешъ засѣданія, въ который данныя мнѣнія были высказаны.

3-го апрѣля.

Предсѣдатель. Имѣю честь просить Васъ, Мм. Гг., приступить къ преніямъ по первому вопросу. Можетъ быть собраніе затрудняется начинать съ рѣшенія перваго вопроса? Можетъ быть нѣко-

торые изъ присутствующихъ допускаютъ полезность конкурса только при соблюденіи конкурентами нѣкоторыхъ условій, которые могутъ быть редактированы лишь въ заключеніи преній?

Леманъ. Мнѣ кажется, что въ принципѣ мы можемъ теперь же дать на вопросъ утвердительный отвѣтъ; послѣдующія же заявленія укажутъ условія, въ которыя каждый изъ насъ признаетъ необходимымъ поставить осуществленіе принципа или конкурсъ для того, чтобы онъ былъ полезенъ. Я предлагаю, относительно желательности конкурса въ принципѣ, высказаться теперь же и въ утвердительномъ смыслѣ, а опредѣленіе условій, которыя мы считаемъ необходимыми и полезными при осуществленіи этого принципа, отложить до окончанія преній.

(Предложеніе принято. Окончательная резолюція помѣщена въ концѣ).

Предсѣдатель. Затѣмъ позвольте спросить ваше мнѣніе по второму вопросу: признаете ли вы умѣстнымъ и полезнымъ участіе въ конкурсѣ иностранцевъ?

Гердъ. До составленія программы конкурса трудно дать по этому вопросу обстоятельный отвѣтъ. Вообще же я въ пользу допущенія иностранцевъ къ участію въ конкурсахъ, учреждаемыхъ для вопросовъ, касающихся международныхъ отношеній.

Баронъ Остенъ-Саненъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что поводомъ будетъ декларация Екатерины II, одна изъ славнѣйшихъ страницъ нашей исторіи. Можно ли ожидать вполне безпристрастнаго отношенія къ этому дѣлу со стороны иностранцевъ, даже публицистовъ.

Мейснеръ. Англичане признали эту декларацию въ 1856 году. Слѣдовательно, если они разъ преклонились предъ подобною великою мыслью, то нужно ожидать, что и впоследствии они будутъ придерживаться того же.

Баронъ Остенъ-Саненъ. Мнѣ кажется, что было бы желательнѣе ограничиться конкурсомъ въ предѣлахъ Россіи. Впрочемъ, не настаиваю на своемъ мнѣніи.

Казанскій. Желательно было бы дать этому конкурсу самыя обширныя размѣры, желательно также, чтобы въ немъ приняли участіе, по возможности, и иностранцы.

Копытовъ. Въ статьѣ „Москов. Вѣдом.“, на которую вы сослались, проводится та мысль, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ не исключительно въ духѣ русскихъ интересовъ, но въ смыслѣ созданія морскаго равновѣсія, котораго до сихъ поръ еще не существовало, и отъ отсутствія котораго множество государствъ, въ томъ числѣ и Россія, очень много терпятъ на морѣ. Поэтому, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, было бы полезно вызвать мнѣнія лицъ компетентныхъ и услышать ихъ взгляды, и такъ какъ есть большое вѣроятіе, что рѣшенія эти будутъ благоприятны не только иностраннымъ государствамъ, но главнѣе всего и самой Россіи, то, вспоминая это великое дѣло, какъ одно изъ первыхъ гуманныхъ по морскому законодательству, было бы полезно устроить его про-

долженіе и заняться теперь же дальнѣйшею его разработкою, а именно при общемъ участіи всѣхъ силъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Мертенсъ. Я не буду касаться того вопроса, на сколько полезно участіе иностранцевъ. Но я позволю себѣ обратить вниманіе только на одинъ вопросъ, который можетъ представиться. Положимъ, что англичане напишутъ сочиненіе. Между тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ наиболѣе выдающееся положеніе въ литературѣ морскаго международнаго права, нисколько не сочувствуютъ Екатерининской деклараціи и признаютъ подписаніе Англіею парижской деклараціи величайшею ошибкой со стороны англійскаго правительства. Парижская декларація, по мнѣнію многихъ англичанъ, составляетъ одну изъ темныхъ страницъ въ исторіи.... Слѣдовательно, если англичане примутъ участіе въ конкурсѣ, то необходимо ждать представленія такого труда, который съ точки зрѣнія научной можетъ быть будетъ весьма замѣчательнъ, но это будетъ трудъ замѣчательный въ смыслѣ отрицательномъ: онъ будетъ самою ѣдкою критикою акта Екатерины II. Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ какое положеніе будетъ поставлено то учрежденіе, которое должно присудить премію, учрежденную въ честь Императрицы Екатерины II? Я только обращаю вниманіе на это обстоятельство, которое весьма легко можетъ представиться.

Предсѣдатель. Но если вы возьмете во вниманіе ученыхъ не одной Англіи, но и другихъ государствъ.

Мартенсъ. Я думаю, что большинство изъ нихъ будетъ на сторонѣ этой деклараціи и ими могутъ быть представлены труды весьма замѣчательные.

Буссе. Я полагаю, что практическій результатъ въ реформѣ морскаго международнаго права можетъ быть достигнутъ только тогда, когда вызванные конкурсомъ ученые труды окажутъ вліяніе на общественное мнѣніе всей Европы, а этого можно достигнуть легче, если въ конкурсѣ примутъ участіе и иностранные ученые.

Корнуновъ. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ, хотя и не прямо противъ участія въ конкурсѣ иностранцевъ. Мнѣ кажется, надо раздѣлнить этотъ вопросъ. Желательно ли только допустить иностранцевъ къ участію въ конкурсѣ, или желательно привлекать ихъ особыми мѣрами. Устраненіе ихъ едва ли можетъ быть поддержано серьезными доводами. Но затѣмъ здѣсь является другой вопросъ: должны ли мы привлекать ихъ искусственными мѣрами, въ ущербъ нашихъ собственныхъ интересовъ. Н. В. Коштовъ предлагаетъ ради привлеченія иностранцевъ устроить конкурсъ такъ, чтобы значительная сумма была выдана сразу единовременной преміей. Въ русскихъ интересахъ было бы, цѣлесообразнѣе установить болѣе мелкія преміи, которыя выдавались бы въ теченіе долгаго времени, можетъ быть безсрочно. Такое установленіе мелкихъ, но періодическихъ премій, можетъ быть не такъ сильно при-

влечетъ къ участию иностранцевъ, но за то можетъ содѣйствовать образованію цѣлой школы, русской школы морскаго международнаго права. Поэтому было бы цѣлесообразнѣе отказаться отъ такихъ мѣръ для привлеченія иностранцевъ, которыя могли бы отозваться вредно на нашихъ собственныхъ интересахъ.

Предсѣдатель. Не имѣетъ ли еще кто нибудь высказаться противъ участія иностранцевъ?

Мейснеръ. Я полагаю, что мы должны употребить всѣ наши мѣры къ тому, чтобы привлечь какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ, для того чтобы это сочиненіе было полнѣе и чтобы оно могло принести извѣстный размѣръ пользы нашему морскому дѣлу.

Копытовъ. Мнѣ кажется, что главнѣя сущность этого вопроса заключается въ томъ, чтобы тѣ предметы, которые будутъ обсуждаться въ конкурсномъ сочиненіи, имѣли особенно международный характеръ, потому что интересы Россіи совершенно солидарны съ интересами и всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Англіи; такъ что, если бы такія полныя сочиненія были получены отъ наиболѣе капитальныхъ представителей науки разныхъ странъ, то цѣль достигнута была бы гораздо полнѣе, такъ что международное право развилось бы и у насъ въ Россіи. Это наше домашнее дѣло и отъ насъ зависить опираться его. Но цѣль этой статьи состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ вопросъ международнымъ по отношенію къ его примѣнимости къ каждому изъ государствъ. Отъ того рѣшенія, которое предполагается, выиграетъ не только одна Россія непосредственно, но и всѣ, и притомъ она можетъ выиграть косвеннымъ образомъ, потому что всѣ остальные будутъ склонны участвовать въ томъ же направленіи и такимъ образомъ воздѣйствовать на Англію и при будущихъ столкновеніяхъ оградить себя, каждую отдѣльно, или въ союзѣ. Россія тутъ на первомъ планѣ, какъ наше отечество, а затѣмъ Англія—какъ главный противникъ.

Предсѣдатель. Вопросъ состоитъ въ томъ: признается ли умѣстнымъ и полезнымъ участіе въ конкурсѣ иностранцевъ. Если редактировать рѣшеніе такимъ образомъ, что признается умѣстнымъ *неисключеніе* иностранцевъ, то будетъ ли оно соответствовать мнѣнію большинства?

Голоса: привлеченіе.

(Въ концѣ протокола имѣются мнѣнія по этому же вопросу гг. Веселаго и Герда).

Предсѣдатель. Слѣд. большинство за привлеченіе иностранцевъ; поэтому не позволите ли оставить слово участіе, какъ было? (Да, да). Слѣд., можно считать, что мнѣніе большинства въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Затѣмъ, чтобы не возвращаться къ этимъ двумъ вопросамъ, позвольте спросить, *какой конкурсъ желательнѣе: одновременный или періодическій?*

Казанскій. Я полагалъ бы, что періодическій. Это будетъ важно потому, что вліяніе его будетъ болѣе продолжительное.

Коркуновъ. Появленіе нѣсколькихъ одновременныхъ сочиненій, являющихся безъ знакомства автора одного сочиненія съ другимъ, появленіе такихъ сочиненій можетъ имѣть лишь ограниченное вліяніе на развитіе литературы. Напротивъ того, появленіе нѣсколькихъ сочиненій, чередующихся одно за другимъ, такъ что одинъ авторъ можетъ знакомиться съ трудами другихъ, дѣйствительно можетъ привести къ созданію цѣлой литературы по данному вопросу. Поэтому мнѣ кажется, что періодическій конкурсъ болѣе достигалъ бы цѣли.

Копытовъ. Если будутъ установлены періодическія преміи, то самое предложеніе совершенно теряетъ силу. Періодически поддерживать тотъ или другой предметъ научныхъ изслѣдованій, Россія всегда имѣетъ средства: но результатовъ въ такомъ случаѣ нужно ждать очень долго, единовременный же конкурсъ приведетъ къ результату скорому и болѣе крупному. Затѣмъ, если у насъ уже имѣется среда интересующихся этимъ дѣломъ и движеніемъ его, то разъ появившееся сочиненіе поведетъ къ тому, что оно будетъ обсуждаться. Появятся разные мнѣнія, которыя будутъ оспариваться и такимъ образомъ непремѣнно возникнетъ и литература. Предметъ этотъ далеко не такого общаго интереса, чтобы можно было на долго приковать вниманіе публики. Даже и заграничной литература по этому вопросу весьма ограничена, а въ Россіи это будетъ тѣмъ болѣе. При маленькихъ періодическихъ конкурсахъ дѣло останется внутри и подспорья со стороны иностранныхъ авторовъ мы не получимъ. Поэтому мнѣ кажется, что сущность предложенія исключаетъ всякое иное рѣшеніе, кромѣ учрежденія большой единовременной преміи. Если сочиненія появятся одновременно, то это дастъ только поводъ къ большому обсужденію и къ быстрѣйшему возникновенію литературы, а сочиненія появляющіяся время отъ времени, мы видимъ постоянно. Литература морскаго права постоянно существовала, но не привлекала къ себѣ особенно общественнаго мнѣнія, такъ что, повидимому, этотъ опытъ и доказываетъ, что постепенныя поощренія не дадутъ большихъ результатовъ, въ то время какъ значительныя единовременныя преміи могутъ сразу обратить вниманіе и привлечь главныхъ представителей науки всѣхъ странъ. Скорое рѣшеніе этого вопроса весьма важно; потому что это не есть такой вопросъ, который былъ бы вопросомъ простаго интереса. Это вопросъ національный и весьма большой важности, для насъ отъ него существенно зависитъ успѣхъ морскихъ войнъ. Если предположить, что подобное рѣшеніе могло бы состояться, то это совершенно переимѣнило бы характеръ нашихъ военныхъ столкновеній на морѣ. Откладывать это въ долгій ящикъ нежелательно, если только уже будетъ признано, что подобная мѣра полезна.

Полетина. Я думаю, что періодическія преміи не имѣютъ никакого значенія. Вызывается мнѣніе, изученіе извѣстнаго предмета, вопроса, существующаго ни сегодня, ни вчера, а существующаго постоянно, вопроса дебатировавшагося многократно, разсматривавшагося съ той и другой стороны, имѣвшего тотъ или другой образъ

рѣшенія въ трактатахъ и т. д. Вотъ по этому вопросу вызывается мнѣніе, основанное на большемъ изученіи, на большемъ значеніи! Чтобы вызвать это мнѣніе, устанавливается конкурсъ, чтобы обратить вниманіе людей способныхъ. Это и рѣшить, конечно, одновременная премія, одновременный конкурсъ. Но чтобы устанавливать періодическій, это не имѣетъ никакого значенія; тогда придется за каждую статью, которая появится въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи, за каждую брошюру, въ которой будетъ разсматриваться вопросъ съ той или другой стороны, давать премію. Поэтому мое мнѣніе за одновременный конкурсъ.

Мартенсъ. Я полагаю, что періодическая премія скорѣе достигнетъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ сомнѣнія, что авторъ, получившій, положимъ 10,000 руб. за сочиненіе, написанное на заданную тему, можетъ быть очень довольнымъ своею судьбою. Но нельзя, мнѣ кажется, упускать изъ виду другое соображеніе. По различнымъ отраслямъ знанія писатели получаютъ отъ Академіи Наукъ премію въ 500 рублей и авторы благодарны не столько за сумму денегъ, полученную въ видѣ преміи, сколько за тотъ почетъ, который имъ оказывается. Мнѣ кажется, что не въ матеріальномъ вознагражденіи, а въ нравственномъ, заключается главная сила всякой преміи. Поэтому, чѣмъ чаще можно было бы давать такую нравственную поддержку лицамъ, желающимъ принести пользу морскому дѣлу въ Россіи, тѣмъ это будетъ лучше и тѣмъ достойнѣе будемъ чествовать актъ Екатерины II. Если появится сочиненіе капитальное и авторъ получитъ опредѣленную сумму, напр. 10,000 руб., и премированное сочиненіе будетъ издано и переведено, то это будетъ, такъ сказать, метеоръ, который появится на небѣ русскаго морскаго права. Затѣмъ могутъ пройти годы и могутъ быть забыты, какъ самое сочиненіе, изданное въ свѣтъ по поводу столѣтняго юбилея деклараціи Екатерины II, такъ и починъ общества содѣйствія мореходства, желающаго, чтобы постоянно оставалась свѣжа память о великомъ дѣлѣ, предпринятомъ Императрицею. Напротивъ, если каждый годъ или черезъ 2 года на очередь будетъ поставленъ какой нубудь вопросъ, относящійся до русскаго мореплаванія, то этимъ способомъ мы дѣйствительно будемъ содѣйствовать распространенію здравыхъ понятій объ интересахъ нашего мореходства, во время мира и войны и о морскомъ международномъ правѣ. Вотъ почему было бы лучше установить постоянныя періодическія преміи.

Полетика. Можетъ быть я съ профессоромъ Мартенсомъ смотрю другими глазами на самую задачу, можетъ быть я недовольно ее уяснилъ себѣ. Въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ профессоръ Мартенсъ, дѣло представляется такъ, что желается возбудить въ обществѣ постоянныя сужденія по вопросу о морскомъ международномъ правѣ. Мнѣ этотъ вопросъ совсѣмъ не такъ представляется. Я думаю, что именно въ настоящую минуту, когда, кажется, все общество проникнуто убѣжденіемъ въ необходимости принятія какихъ бы то ни было мѣръ для того, чтобы положить начало основанію

коммерческаго флота въ Россіи, и когда весьма важно опредѣлить тѣ мѣры, которыя наиболѣе дѣйствительны для того, чтобы достигнуть рѣшенія задачи, необходимость которой всѣмъ нами чувствуется и сознается и отсутствіе которой мы нелавно испытали. въ этихъ видахъ важно установить общій взглядъ, подвести къ общему знаменателю всѣ бродящія понятія въ обществѣ и сосредоточить ихъ въ одномъ капитальномъ трудѣ, который бы обнималъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ смыслѣ я признаю важность конкурса и полезность той задачи, которая поставлена. Что касается до того, какъ проф. Мартенсъ смотритъ на это дѣло, чтобы въ обществѣ возбудить какой-то интересъ къ научнымъ понятіямъ морскаго права, то можетъ быть это тоже очень полезно; но я не думаю, чтобы этого можно было достигнуть конкурсомъ. Я думаю, что когда начнется созиданіе самаго дѣла, когда будутъ положены эти начала въ сочиненія, которыя явятся на конкурсъ, то тогда, если пробудится интересъ въ обществѣ, этотъ интересъ будетъ жить самъ собою, онъ не потребуетъ непрерывныхъ возбужденій. Если же этаго не будетъ, то искусственное возбужденіе путемъ такихъ возбуждательныхъ средствъ, какъ временные конкурсы, будетъ совершенно бесполезная вещь; появится только нѣсколько брошюръ, къ которымъ всѣ останутся равнодушны и онѣ не произведутъ дѣйствія. Поэтому я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи, что понимаю задачу единственно возможною въ томъ только случаѣ, когда конкурсъ будетъ единовременный, а не періодическій.

Коркуновъ. Изъ тѣхъ возраженій, которыя дѣлались противъ періодической преміи, нетрудно усмотрѣть, что все дѣло въ неправильномъ взглядѣ на значеніе конкурса, на самый характеръ того вопроса, который предлагается на разрѣшеніе. Тутъ было прямо употреблено выраженіе «рѣшеніе задачи», отсюда и происходитъ вся бѣда. Дѣло въ томъ, что на сочиненіе такого рода, какъ изслѣдованіе началъ морскаго международнаго права, нельзя смотрѣть какъ на рѣшеніе задачи. Конкурсъ здѣсь будетъ имѣть совсѣмъ другой характеръ, нежели напр. конкурсъ на представленіе проэкта какого либо зданія или рѣшеніе какой нибудь технической задачи. Тамъ задача сразу рѣшается; нельзя зданіе строить по разнымъ планамъ, нельзя практическое дѣло вести на разные лады сразу: но совсѣмъ иное положеніе въ вопросахъ, которые являются предметомъ юридической науки. Тутъ ничего сразу не рѣшается. Для того, чтобы установить извѣстное юридическое начало недостаточно, чтобы оно было подкрѣплено теоретическими доказательствами, надо чтобы они проникли въ убѣжденіе, были мнѣніемъ не только однихъ ученыхъ, но также и тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ практическое осуществленіе. Поэтому однократный конкурсъ по вопросамъ гуманнымъ, въ особенности по вопросамъ юридическимъ, вопросамъ международнаго права, гдѣ такъ много зависитъ отъ преобладающихъ въ общественномъ сознаніи убѣжденій,—не имѣлъ бы никакого значенія. Указываютъ еще на то, что нужно придать конкурсу международное значеніе; а, умалая размѣръ преміи, и та-

кимъ образомъ дѣлая конкурсъ періодическимъ какъ бы нашимъ домашнимъ дѣломъ, мы лишаемъ его международнаго общевропейскаго значенія. Я полагаю, что международное значеніе представляемому на конкурсъ сочиненію получаютъ не только тогда, когда въ конкурсѣ примутъ участіе иностранцы. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Проф. Мартенсъ указывалъ на то, что премія не можетъ имѣть значенія стимула только по своей матеріальной цѣнности, что тутъ больше значить тотъ почетъ, который связанъ съ присужденіемъ преміи. Но съ одной стороны и денежное вознагражденіе само по себѣ можетъ имѣть большое значеніе. Наши ученые юристы поставлены въ невыгодное положеніе, потому что наша литература иностранцамъ неизвѣстна, и, за немногими исключеніями, труды нашихъ авторовъ остаются неизвѣстными для иностранныхъ ученыхъ, а переводъ русскаго сочиненія на иностранные языки представляется часто дѣломъ непосильнымъ для автора въ виду сопряженныхъ съ этимъ матеріальныхъ затратъ. Поэтому было бы полезно установленіе періодическаго конкурса, хотя бы и съ малыми преміями, но съ такими, которыя могли бы оплатить издержки на переводъ на иностранные языки. Уже это одно придавало бы сочиненіямъ, представленнымъ на конкурсъ, международное значеніе. Тогда подобный конкурсъ явился бы такой силой, такимъ явленіемъ, которое получило бы даже и безъ участія иностранцевъ международное значеніе, потому что это дало бы возможность нашу литературу сдѣлать извѣстною иностранцамъ; таковой конкурсъ послужилъ бы какъ бы кафедрой, съ которой изъ года въ годъ раздавалась на русскомъ и иностранныхъ языкахъ проповѣдь тѣхъ началъ, которыя мы вырабатываемъ на нашей родной почвѣ.

Рыкачевъ. Я смотрѣлъ бы на эти преміи даже такимъ образомъ, какъ на нѣкотораго рода пропаганду болѣе правильной постановки международныхъ вопросовъ. Я смотрѣлъ бы на это не только какъ на средство развивать научно, но именно, чтобы вліять по возможности на массу, какъ здѣсь говорилъ профессоръ Мартенсъ. Поэтому я полагаю, что неизмѣнно нужна періодичность.

Копытовъ. Я хотѣлъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что если желательно распространеніе общихъ понятій и свѣдѣній о международномъ правѣ въ обществѣ, то въ данномъ случаѣ это составляетъ второй или совершенно побочный вопросъ. Я ссылаюсь на статью «Москов. Вѣдом.». Въ ней поставленные вопросы рѣшаются иначе, чѣмъ они рѣшались вообще до сихъ поръ. Если бы настоящее собраніе признало бы возможнымъ подобное рѣшеніе, то получить подтвержденіе со стороны авторитетовъ, можно сказать, желательно сколь можно скорѣй. Я обращаю вниманіе напр. на посѣщеніе нейтральныхъ портовъ воюющими. Это такой вопросъ, который будетъ рѣшаться всегда различно разными читателями. Предположимъ, что мы бы увидѣли выгоду въ рѣшеніи такого рода, которое допускало бы возможность для воюющихъ безусловное посѣщеніе нейтральныхъ портовъ. Было ли бы желательно для насъ,

чтобы подобная практика была отложена въ безконечный ящикъ? Тогда мы бы какъ бы уподоблялись человѣку, попавшему въ яму и которому доброжелательные люди, желающіе помочь выйти изъ подобнаго неудобнаго положенія, стали бы вмѣсто того, чтобы ему подать прямо веревку, разсуждать, что такое веревка и изъ чего она свита. Вопросъ, поставленный здѣсь на разрѣшеніе, представляется вопросомъ капитальной важности, и такъ какъ нельзя предрѣшать, какое постановленіе можетъ состояться въ общественномъ мнѣніи, то затронуть его нужно какъ можно скорѣй и тутъ были бы несвоевременны заботы объ общихъ мѣрахъ поощренія развитія интереса въ публикѣ къ сочиненіямъ по вопросамъ международного права, а нужны спеціальныя заботы о скорѣйшемъ удовлетвореніи непосредственныхъ и неотложныхъ интересовъ государства, интересовъ нашихъ собственныхъ. Мы видѣли, каковы были затрудненія въ только что окончившуюся войну для дѣйствій на морѣ и только потому, что нейтральные порты для нашихъ судовъ не были открыты. Если бы порты были открыты, то вся война, какъ морская, такъ и сухопутная, имѣла бы совершенно другое направленіе и другіе результаты. Поэтому мнѣ кажется, что мелкія преміи и ученыя отвлеченныя состязанія не составляютъ рѣшенія вопроса, подлежащаго нашему обсужденію. Нужно, не теряя времени, приступить къ дѣлу.

Мартенсъ. Мнѣ кажется, что здѣсь происходитъ маленькое недоразумѣніе. Тутъ противопоставляются интересы науки интересамъ государства и общества. Когда я позволилъ себѣ высказаться въ пользу періодичности, и мотивировать это мнѣніе, я никакъ не исходилъ изъ такого противуположенія науки съ одной стороны и государства и общества съ другой. Я убѣжденъ, что тѣмъ правильнѣе будутъ взгляды общества на его право, обязанности и интересы въ области мореходства, тѣмъ лучше будутъ охраняемы интересы правительства. Но трудно себѣ представить, чтобы общество или правительство были бы въ состояніи правильно смотрѣть на свои интересы безъ внимательнаго и всесторонняго ихъ обсужденія. Вотъ почему я полагаю, что если будетъ установлена періодичность премій, то этимъ самымъ мы содѣйствуемъ не столько научнымъ состязаніямъ, сколько распространенію въ общественныхъ и правительственныхъ сферахъ такихъ полезныхъ свѣдѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, никакого вреда не приносятъ, но могутъ только содѣйствовать правильному пониманію и разрѣшенію, со стороны общественныхъ дѣятелей и правительства, возникшихъ вопросовъ. Что касается въ частности вопросовъ, которые должны быть предложены на обсужденіе, то я полагаю, совершенно зависить отъ самаго общества поставить тѣ вопросы, которые оно желаетъ, чтобы они были рассмотрѣны. Поэтому нѣтъ надобности постановлять предметомъ состязанія вопросы чисто отвлеченные, нисколько не вызванные потребностями науки. Если дѣйствительно цѣль учрежденія премій состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать пониманію принциповъ, положенныхъ въ основаніе деклараціи Екатерины II

и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать постоянный интересъ къ морскому дѣлу въ нашемъ обществѣ. Тутъ было предложено, поставить между прочимъ вопросъ о томъ: при какихъ условіяхъ необходимо предоставить входъ въ нейтральныя гавани; какіе предметы составляютъ военную контрабанду; что составляетъ дѣйствительную блокаду и т. п. Но всѣ эти вопросы входятъ по существу въ содержаніе деклараціи о первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ. Отъ общества зависитъ высказать, на какія стороны должно быть обращено вниманіе со стороны лицъ, желающихъ принять участіе въ конкурсѣ. Общество всегда можетъ выразить и свое всеильное желаніе, и свои требованія, и постановитъ извѣстные предѣлы для трудовъ, допускаемыхъ къ состязанію.

Предсѣдатель. Большинство, кажется, согласно съ тѣмъ, что періодическій конкурсъ полезнѣе единовременнаго. Позвольте, затѣмъ, не обсуждать сегодня вопроса о матеріальной сторонѣ дѣла и о срокахъ, т. е. чрезъ какіе періоды времени повторять конкурсъ и когда начать его.

Вальронтъ. Но все будетъ зависѣть отъ средствъ. Если средства окажутся велики и можно будетъ установить постоянную премію напр. изъ $\frac{1}{10}$ съ капитала, то нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуетъ установить періодичность. Если же средства будутъ ограничены, тогда возможно будетъ установить только единовременную премію.

Предсѣдатель. Такъ какъ въ настоящую минуту мы не имѣемъ возможности судить о величинѣ денежныхъ средствъ, изъ которыхъ будутъ выдаваться преміи, то не позволяйте ли, занеся въ протоколъ, сдѣлать заявленіе о значеніи величины фонда и обратиться къ редактированію резолюціи и постановить, что: *собраніе признаетъ въ принципѣ учрежденіе періодичнаго конкурса болѣе желательнымъ чѣмъ учрежденіе конкурса единовременнаго.* (Да. Да).

Послѣ этого былъ сдѣланъ перерывъ въ преніяхъ, во время котораго одинъ изъ гг. присутствующихъ прочелъ статью Московск., Вѣд., неизвѣстный авторъ которой, первымъ предложилъ учрежденіе конкурса по случаю предстоящаго столѣтняго юбилея.

Предсѣдатель. 3-й вопросъ, подлежащій нашему обсужденію, заключается въ томъ, что *«слѣдуетъ ли тѣмъ конкурсамъ дѣлать всѣ пункты деклараціи 1780 г. или только нѣкоторые изъ нихъ?...»* При обсужденіи этого вопроса я просилъ бы не стѣсняться его редакціей. Можетъ быть кто нибудь изъ гг. присутствующихъ находитъ, что конкурсную тѣму слѣдуетъ взять внѣ пунктовъ деклараціи? (Молчаніе)... Съ моей личной точки зрѣнія, самымъ интереснымъ представляется вопросъ о территоріальности корабля, потому что, если бы этотъ вопросъ былъ разработанъ кѣмъ-либо изъ ученыхъ самостоятельно и подробно, то въ изслѣдованіе и рѣшеніе этого одного вопроса вошло бы, можетъ быть, все морское международное право. Позвольте привести примѣръ, показывающій практическое значеніе вопроса. Допустимъ, что не только въ рѣшеніи ученыхъ, но и въ рѣшеніи государственныхъ людей, посредствомъ международнаго соглашенія, была бы допущена абсолютная терри-

торіальность корабля, какъ военного, такъ и купеческаго, какъ въ военное, такъ и въ мирное время; тогда въ результатъ вѣроятно получился бы слѣдующій важный выводъ: какъ два государства соприкасающіяся сухопутными границами, неизмѣняютъ своихъ торговыхъ и другихъ отношеній отъ того, что одно изъ нихъ объявило войну третьей державѣ, такъ и условія рейдовыхъ стоянокъ и сношеній съ дружественною или нейтральною державою должны оставаться неизмѣнными, хотя бы государство прибывшаго на рейдъ судна и объявило войну третьей державѣ. При допущеніи абсолютной территоріальности корабля такой выводъ естественъ. Дѣйствительно, если судно представляетъ собою частицу своего государства, то приходъ его на иностранный рейдъ даетъ временное соприкасаніе ихъ государственныхъ границъ и, слѣдовательно, разъ вопросъ рѣшенъ въ смыслъ абсолютной территоріальности, все остальное въ регламентаціи ихъ отношеній будетъ вытекать изъ этого основанія и окажется несложнымъ, ибо двумъ пограничнымъ государствамъ нѣтъ надобности въ чемъ-либо измѣнять своихъ отношеній, въ случаѣ войны одного изъ нихъ съ третьею державою. Поэтому, мнѣ кажется, что тема «о территоріальности корабля» есть одна изъ наиболѣе плодотворныхъ и интересныхъ, хотя она касается деклараціи 1780 г. только косвенно.

Мартенсъ. Относительно возбужденнаго вопроса, я долженъ замѣтить, что здѣсь выработались нѣкоторыя правила, которыя признаются не только въ принципѣ, но и на практикѣ. Такъ напр. Н. В. привелъ здѣсь мнѣніе Отфейля, который въ своемъ сочиненіи исходитъ именно изъ принципа территоріальности корабля. И дѣйствительно континентальные юристы и писатели постоянно доказываютъ, что корабль есть оторванная часть территоріи того государства, подъ флагомъ котораго отплываетъ. Но этотъ принципъ можетъ получить полное примѣненіе только въ отношеніи къ военнымъ судамъ. Что касается до коммерческихъ кораблей, то этотъ принципъ подвергается, въ необходимости, нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ настоящее время господствуетъ правило, по которому коммерческое судно, находящееся въ открытомъ морѣ, безусловно разсматривается какъ оторванная часть территоріи своего государства. Слѣдовательно, въ открытомъ морѣ, территоріальность корабля общій господствующій принципъ. Но положеніе коммерческаго судна совершенно измѣняется, когда оно входитъ въ портъ иностранныхъ государствъ. Тутъ уже встрѣчается коллизія между территоріальною властью прибрежнаго государства и верховенствомъ той страны, подъ флагомъ которой находится коммерческое судно. Эта коллизія на практикѣ разрѣшается въ пользу господства власти прибрежнаго государства надъ коммерческимъ судномъ, потому что коммерческое судно не имѣетъ тѣхъ верховныхъ атрибутовъ, которые имѣетъ военное судно. Поэтому при разсмотрѣніи пунктовъ деклараціи Екатерины II относительно военной контрабанды, относительно блокады, этотъ вопросъ непременно долженъ представиться. Вотъ почему я думаю, что если собраніе

дѣйствительно имѣть въ виду вызвать такое сочиненіе, которое служило бы вкладомъ не только въ русскую литературу, но и въ общеславянскую, если общество желаетъ, чтобы это сочиненіе служило прославленіемъ Екатерининскаго акта, то разрознивать эти 5 пунктовъ было бы крайне не практически. Всѣ эти 5 пунктовъ находятся въ тѣсной связи между собой и только при изложеніи внутренней связи каждаго изъ нихъ съ остальными можно будетъ понять все значеніе, которое имѣла Екатерининская декларація и опредѣлить то мѣсто, которое она занимаетъ въ исторіи международныхъ сношеній. Поэтому я полагаю, что выбирать какой-либо отдѣльный пунктъ изъ этой деклараціи и вообще разрознивать ихъ, будетъ несогласно ни съ внутреннимъ смысломъ, ни съ духомъ акта, ни съ практической пользой, которую общество имѣетъ въ виду.

Зебенъ. Я предложилъ бы слѣдующій вопросъ: можно ли во время войны переимѣнить флагъ, т. е. продать судно гражданамъ нейтральнаго государства? Этотъ случай былъ въ Крымскую войну, когда англичане даже взяли суда другихъ нейтральныхъ державъ...

Предсѣдатель. Я просилъ бы ограничиваться изложеніемъ своего мнѣнія только по 3-му вопросу программы, т. е. по вопросу «желательно ли сдѣлать предметомъ конкурса всю декларацію въ цѣломъ ея составѣ или только нѣкоторые ея пункты или другіе вопросы?»

Полетика. Желательно не раздѣлять пунктовъ деклараціи, а оставить въ той совокупности, какъ указано въ деклараціи.

Рыкачевъ. Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію профессора Мартенса.

Казанскій. Я предложилъ бы оставить эти пункты и затѣмъ дополнить ихъ такими, которые имѣютъ характеръ болѣе русскій, такъ чтобы тѣ вопросы, которые будутъ подлежать разсмотрѣнію, имѣли бы характеръ вопросовъ, спеціально относящихся къ выгодамъ Россіи.

Леманъ. Я вполне присоединяюсь къ мнѣнію, что достаточно ясно и совершенно убѣдительно выяснена невозможность дѣленія тѣхъ вопросовъ, которые намѣчены въ актѣ Императрицы Екатерины. Но съ тѣхъ поръ и особенно можетъ быть послѣдніе наши отношенія къ той державѣ, которая по преимуществу склонна толковать всѣ международныя столкновенія въ свою пользу, невольно выдвинулся и тотъ вопросъ, что нельзя ли смотрѣть на тѣ же самыя международныя акты и отношенія съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія чисто русской національной.

Корнуновъ. Если мы принимаемъ періодичность, то ограничивать предметъ сочиненія однимъ какимъ нибудь вопросомъ было бы очень неудобно, потому что тотъ или другой частный вопросъ въ извѣстное время можетъ потерять значеніе; другіе же вопросы будутъ имѣть преобладающее значеніе. Такимъ образомъ, ограничиваясь однимъ какимъ нибудь пунктомъ, мы съузимъ значеніе коп-

курса, между тѣмъ какъ декларація представляетъ весьма широкій кругъ вопросовъ. Такимъ образомъ принятіе всѣхъ пунктовъ деклараціи предметомъ сочиненія, представляется необходимымъ послѣдствіемъ призванія періодичности преміи.

Копытовъ. Мнѣ казалось бы полезнымъ обратить вниманіе собранія, что единственной цѣлью конкурса должно быть созданіе морскаго равновѣсія, которое, кажется, составляетъ предметъ общаго желанія. Еще недостаточно совершенствоваться какія нибудь отдѣльныя постановленія морскаго международнаго права, но необходимо нѣсколько мѣръ, которыя дали бы возможность болѣе равноправной борьбы на морѣ.

Предсѣдатель. Повидимому, большинство въ пользу того, что предметомъ ближайшаго конкурса должна быть вся декларація 1780 г., въ цѣломъ ея составѣ, съ присоединеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые были вызваны послѣдующей политической жизнью Россіи. Желательно, чтобы собраніе указало и редактировало эти вопросы.

Мартенсъ. Каждый авторъ, который возьмется за предложенную задачу, будетъ непремѣнно наталкиваться на всѣ эти вопросы. Напр. если взять 3-й пунктъ деклараціи, который говоритъ о военной контрабандѣ. Онъ не можетъ быть рѣшенъ только на основаніи исторіи, но необходимо будетъ непремѣнно обратиться къ узаконеніямъ новѣйшаго времени, къ тѣмъ дѣламъ, которыя разсматривались въ различныхъ призовыхъ судахъ. Такъ что эти современные вопросы непремѣнно представляются, если только авторъ не пожелаетъ витать подъ облаками, но обратить вниманіе на потребности дѣйствительной жизни.

Предсѣдатель. И такъ позвольте признать, что 3-й вопросъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что *тѣмъ должны быть все пункты деклараціи.*

Затѣмъ слѣдовало бы приступить, къ обсужденію 4-го вопроса: но въ виду сдѣланныхъ заявленій и по тѣсной связи 4-го вопроса съ 5-мъ, не признаетъ ли собраніе болѣе удобнымъ слить эти вопросы?

(Собраніе согласилось съ этимъ предложеніемъ).

Казанскій. По моему мнѣнію, не мѣшало бы выразить, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, желаніе общества и не связывая автора, наметить тотъ кругъ, какой желательно было бы имѣть. Иначе можетъ случиться, что обширный замѣчательный трудъ можетъ появиться съ такими оттѣнками, которые намъ именно нежелательны. Поэтому не вхсдя въ частности и не предпрѣшая подробностей, слѣдовало бы выразить желаніе, чтобы предметъ сочиненія относился до интересовъ Россіи.

Крейтеръ. Вѣрное пониманіе національных интересовъ и энергическое проведеніе ихъ въ международную жизнь — вотъ идеаль цѣлесообразной международной политики. С. Штаты Америки и Англія, наиболѣе приближаются къ этому идеалу. Дизраэли и Филморъ, Дж. Ст. Милль и Твойсъ, Марси и Унтонъ — практика и

наука въ тѣсномъ союзѣ—преслѣдуютъ однѣ и тѣ же національныя цѣли. Знаменитый канцлеръ Россіи, графъ Панинъ, не только оцѣнилъ весь смыслъ враждебной ему политики Англіи, но даже презошелъ своихъ учителей, въ проведеніи разумно-экономической международной политики. Идея вооруженнаго нейтралитета,—гениальный примѣръ пользованія международными силами для блага отечества. Сочиненіе, написанное въ память 100-лѣтняго юбилея перваго вооруженнаго нейтралитета, должно быть написано въ духѣ его великихъ творцевъ.

Мартенсъ. Я-бы отвѣтилъ на пятый вопросъ отрицательно. По моему мнѣнію, было бы крайне неудобно стѣснять автора какими нибудь обязательными принципами или рамками, которыхъ онъ непременно долженъ держаться. Достаточно если общество выразитъ желаніе, чтобы представленныя на конкурсъ сочиненія, были бы написаны въ духѣ деклараціи отъ 28 февраля 1780 г. Но меньше всего было бы желательнымъ, обязать авторовъ имѣть *исключительно* въ виду интересы Россіи и сочинить какое-то *русское* международное право. Напротивъ, я убѣжденъ, что чѣмъ больше авторамъ удастся выяснитъ полную солидарность интересовъ Россіи съ пользою континентальныхъ европейскихъ державъ, тѣмъ лучше будетъ достигнута цѣль, которую себѣ поставила Екатерина II. Это мнѣніе можетъ показаться страннымъ, но оно имѣетъ свое основаніе историческое и практическое. Въ самомъ дѣлѣ исторія морскаго международного права приводитъ къ такому заключенію, что во всѣхъ вопросахъ морскаго международного права всегда являлись двѣ совершенно враждебныя стороны: съ одной стороны—Англія, а съ другой континентальныя державы, которыя всѣми силами старались противодѣйствовать произволу англійскаго флота на морѣ и защищать, по мѣрѣ возможности, права и интересы нейтральныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе мы защищаемъ ту точку зрѣнія, которая согласна не только съ интересами Россіи, но и съ пользою континентальныхъ державъ, тѣмъ лучше мы охраняемъ свои собственныя права и тѣмъ больше пользы мы приносимъ и другимъ государствамъ. Вотъ почему Екатерина II всѣми силами старалась, сдѣлать провозглашенныя ею начала, общимъ достоинствомъ западно-европейскихъ государствъ и убѣдить послѣднія въ необходимости, соединиться въ одинъ союзъ, для защиты этихъ началъ противъ посягательствъ со стороны Англіи. Одной Россіи было бы трудно защищать, надлежащимъ образомъ, свои интересы на морѣ, противъ Англіи. Вотъ почему я полагаю, что нѣсколько ни согласна съ нашими дѣйствительными интересами, ставить вопросъ на исключительно національную почву. Екатерина II подняла въ 1780 году знамя во имя всей континентальной Европы, во главѣ которой Она пошла противъ Англіи. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе мы будемъ солидарны съ континентальными державами противъ Англіи, тѣмъ болѣе, у насъ будетъ союзниковъ и тѣмъ скорѣе мы достигнемъ ограниченія произвола Англіи. Только этимъ путемъ мы воздадимъ должную дань уваженія политикѣ Екатерины II.

Коркуновъ. Я вполне присоединяюсь къ мнѣнію профессора Мартенса. Замѣчанія, высказанныя г. Крейтеромъ, относятся къ практической политикѣ. Если можно еще говорить объ эгоистическомъ направленіи въ практической политикѣ, то разрѣшеніе научнаго вопроса, съ этой точки зрѣнія, представляется совершенно невозможнымъ.

Леманъ. Къ высказанному уже мною мнѣнію, я считаю нужнымъ добавить нѣсколько словъ въ томъ смыслѣ, что, по моему мнѣнію, то и другое предложеніе разнятся только въ словахъ, а въ существѣ своемъ, они совершенно сходны. Если наши интересы вообще такъ солидарны съ интересами континентальныхъ державъ, то, быть можетъ, въ нашей программѣ мы не постановимъ пункта о томъ, чтобы сочиненіе на заданную тему непременно удовлетворяло бы требованіямъ такъ сказать, интересовъ русскихъ. Можно поставить вопросъ этотъ иначе. Но мысль моя заключается — и кажется противъ нея не было возраженій — въ томъ, чтобы сочиненія, которые будутъ заданы на извѣстную тему, по поводу предстоящаго юбилея, и которые будутъ премированы русскими учрежденіями, удовлетворяли интересамъ противоположнымъ той державы, которая всегда въ вопросахъ морскаго международнаго права, противодѣйствуетъ намъ и всѣми зависящими отъ нея мѣрами, старается вселить ложное убѣжденіе о своемъ правѣ и въ другихъ державахъ.

Копытовъ. Желательно категорическое заявленіе направленія для того, чтобы писатель рѣшалъ точно опредѣленную задачу для устраненія международныхъ столкновеній и затѣмъ уже само собою разумѣется, что тѣ писатели, которые рѣшаютъ иначе, будутъ выѣ конкурса и премій не получаютъ. Конечно, нельзя допустить, чтобы Россія вознаграждала трудъ своихъ враговъ. Поэтому премія должна достаться только тому, кто отвѣтитъ категорически на заданную тему, а тема иначе не можетъ быть какъ узко-русскою, что въ данномъ случаѣ будетъ синонимомъ съ континентальною. Здѣсь этихъ двухъ цѣлей нельзя раздѣлить. Я обращалъ уже вниманіе на то, что такъ, какъ наши интересы совершенно совпадаютъ съ интересами государствъ континентальныхъ, то поэтому-то иностранные писатели и могутъ быть привлечены къ участию въ конкурсѣ.

Мартенсъ. Я позволю себѣ сказать, что не слѣдуетъ ставить авторовъ въ такія, слишкомъ опредѣленные и крайне стѣснительныя, рамки. Было-бы, насколько мнѣ кажется, гораздо болѣе цѣлесообразно поставить вопросъ такимъ образомъ: желательно, чтобы авторы въ своихъ трудахъ, разбирали всѣ положенія деклараціи Екатерины II, согласно ея духу. Если сказать, что сочиненіе должно быть написано въ духѣ Екатерининской деклараціи, то тогда будетъ понятно, что отъ него требуется. Тогда авторы не могутъ оставлять изъ виду основной цѣли этого акта. Это опредѣленіе: въ духѣ деклараціи Екатерины II, опредѣляетъ основную точку зрѣ-

нія, которой сочувствуетъ общество, возбудившее настоящій вопросъ.

Полетина. Я совершенно согласенъ съ г. Мартенсомъ.

Рыкачевъ. Я тоже совершенно согласенъ.

Копытовъ. Мое личное мнѣніе не исключительно за декларацію 1780 года, а только за принятіе ее въ основаніе при дальнѣйшемъ развитіи и установленіи международныхъ правъ не только по отношенію къ правамъ нейтральныхъ, но преимущественно воюющихъ, такъ какъ я долженъ заявить себя совершеннымъ сторонникомъ обсуждаемой нами статьи «Московскихъ Вѣдомостей».

Предсѣдатель. Не имѣется-ли возраженій противъ того, чтобы 5-й вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ поставленъ, исключить и замѣнить его вопросомъ: «не слѣдуетъ-ли, чтобы авторы сочиненій разбирали всѣ вопросы программы въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи».

Копытовъ. Мое предложеніе не расходится съ высказаннымъ здѣсь. Слѣдовало-бы обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на то, чтобы дать всѣмъ остальнымъ государствамъ, кромѣ Англіи, болѣе легкія средства бороться съ нею и облегчить имъ эти столкновенія въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить второстепеннымъ воюющимъ большіе средства къ сопротавленію Англіи, а заботы непосредственно о нейтральныхъ, я какъ военный офицеръ, долженъ поставить на второй планъ. Я желаю, чтобы воевали весьма гуманно, но вмѣстѣ желалъ-бы, чтобы мы имѣли больше средствъ для борьбы съ врагомъ.

Мартенсъ. Если авторы имѣютъ въ виду разбирать декларацію согласно ея цѣли или духу, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ оставить безъ всесторонняго разсмотрѣнія права и интересы, какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ. Екатерининская декларація имѣла въ виду ограничить произволъ воюющихъ на морѣ. Екатерина II этою деклараціею вызвала первый вооруженный нейтралитетъ, то есть союзъ государствъ противъ Англіи и, нѣтъ сомнѣнія, что такой союзъ континентальныхъ государствъ представляется лучшимъ средствомъ для ограниченія произвола такой державы какъ Англія. Такъ что, если всѣ представляющіеся вопросы будутъ разсмотрѣны въ духѣ деклараціи, то въ результатъ должно получиться самое дѣйствительное охраненіе правъ нейтральныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограниченіе произвола такой воюющей державы какъ Англія. Наконецъ, мнѣ кажется рѣшительно невозможнымъ разсматривать актъ Екатерины II, исключительно съ точки зрѣнія защиты *правъ* нейтральныхъ, безъ выясненія ихъ *обязанностей*. Охраненіе же правъ нейтральныхъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограниченіе произвола воюющихъ. Что-же касается затѣмъ вопроса о томъ: какія средства морской войны могутъ получить примѣненіе и какія могутъ представиться случаи во время морской войны и при современныхъ условіяхъ—то объ этомъ можетъ быть рѣчь при обсужденіи 6-го пункта программы.

16-го апрѣля.

Долговъ. Я весьма сожалѣю, что не имѣлъ возможности присутствовать прошлый разъ, такъ какъ находился въ отсутствіи. Но благодаря любезности г. предсѣдателя, я поставленъ ан *comant* всего происходившаго въ прошломъ засѣданіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что идея чествовать столѣтіе акта вооруженнаго нейтралитета достойна полнаго сочувствія и остается пожалѣть, что авторъ статьи, напечатанной въ „Москов. Вѣдом.“, такъ скромно скрылъ свое имя. Изъ всего того, что было высказано въ прошломъ засѣданіи можно заключить, что почтенное собраніе, сочувствуя идее чествovanja столѣтія вооруженнаго нейтралитета, хочетъ выказать это чествovanie назначеніемъ конкурса для лучшаго сочиненія по международному праву, и притомъ такого сочиненія, которое было бы написано въ исключительныхъ интересахъ Россіи, или, если можно такъ выразиться, исключительно во вредъ Англіи.

Предсѣдатель. Извинюсь предъ ораторомъ за перерывъ, но я долженъ замѣтить, что такого соглашенія, или рѣшенія, или резолюціи не было.

Долговъ. Вотъ то впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ чтенія стенографическаго отчета. Съ своей стороны я позволю себѣ представить слѣдующія соображенія. Сколько я могъ судить по стенографическому отчету, предметомъ конкурса должно быть сочиненіе по морскому международному праву, нѣчто въ родѣ кодекса международныхъ законовъ, но кодекса написаннаго въ исключительныхъ интересахъ Россіи. Какого же рода, собственно говоря, будетъ то сочиненіе, за которое хотять назначить премію? Сочиненіе это не будетъ трудомъ научнымъ, потому что трудъ научный требуетъ всесторонней и строго объективной разработки и самаго безпристрастнаго изученія вопросовъ международного права. Предполагаемый же трудъ будетъ одностороненъ, потому что онъ долженъ быть написанъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи и вопросы морскаго международного права, будутъ поставлены и рѣшены не на принципахъ философіи и права, а въ исключительныхъ интересахъ Россіи, или въ исключительный вредъ Англіи. Что касается до практической пользы, то сочиненіе это, хотя бы и написанное въ исключительныхъ интересахъ русскихъ, не можетъ принести никакой практической пользы нашимъ морякамъ, потому что оно будетъ ничто иное, какъ собраніе самыхъ патріотическихъ, самыхъ національных пожеланій, но не больше. Для кого, спрашивается, этотъ трудъ будетъ обязателенъ? Моряки наши будутъ читать, сочувствовать этимъ пожеланіямъ, но и только. Они не въ состояніи будутъ руководствоваться ими, потому что если эти пожеланія не освящены трактатами, если они идутъ въ разрѣзъ съ существующими трактатами Россіи, то я убѣжденъ, что наше государство не нарушитъ своихъ трактатовъ и слѣдовательно, моряки наши, при полномъ желаніи — не будутъ имѣть возможности примѣнять его на

практикѣ и употреблять какъ руководство, или собраніе дѣйствующихъ постановленій морскаго международнаго права. Затѣмъ здѣсь былъ затронутъ вопросъ о томъ, что сочиненіе это необходимо для того, чтобы распространить въ нашемъ обществѣ правильныя понятія о вопросахъ морскаго международнаго права, чтобы ознакомить общество съ этими вопросами, разшевелить, такъ сказать, вниманіе общества и затронуть интересы морскихъ вопросовъ Россіи. Я не только усомнюсь, но позволю себѣ утверждать, что такое сочиненіе, не смотря даже на періодичность премій, никогда не можетъ *распространить* въ обществѣ никакихъ понятій по вопросамъ международнаго права и затронуть его вниманіе потому, во 1-хъ, что къ величайшему сожалѣнію наше общество слишкомъ равнодушно относится ко всякому серьезному научному труду. Сочиненіе же это, будучи написано *на премию*, тощѣмъ по объему быть не можетъ и очевидно сдѣлается достояніемъ самаго ограниченного кружка ученыхъ, но въ публику не пойдетъ, а если и пойдетъ, то въ самомъ ограниченномъ числѣ. Слѣдовательно и это третье назначеніе: ознакомить общество съ вопросами международнаго права, или вѣрнѣе, распространить правильныя о нихъ понятія, ни коимъ образомъ не можетъ быть достигнуто. Итакъ это сочиненіе, будучи написано въ исключительныхъ интересахъ Россіи — будетъ односторонне и не удовлетворитъ условіямъ научнаго труда. Будучи написано объективно — можетъ не удовлетворить требованіямъ нашихъ русскихъ интересовъ. И ни то, ни другое не удовлетворитъ практическимъ надобностямъ.

Какъ я уже сказалъ, идея чествовать екатерининскую декларацию, есть идея достойная вниманія. Почтить столѣтіе этой декларации необходимо, и почтить конечно ученымъ трудомъ всего болѣе приличествуетъ значенію случая. Но какой же трудъ, на какую тѣму намъ нуженъ для того, чтобы онъ, во 1-хъ, находился бы въ полномъ соотвѣтствіи съ чествуемымъ актомъ; во 2-хъ, чтобы онъ служилъ русскимъ интересамъ; въ 3-хъ, чтобы онъ былъ трудомъ строго-научнымъ и въ 4-хъ, чтобы онъ могъ принести практическую пользу. Екатерипа Великая выродоженіи всего своего царствованія всегда задавалась единственною цѣлью, единственною задачею — доставить возможное благо, возможное счастье человѣчеству вообще и тому народу, который былъ ей ввѣренъ, въ особенности. Благо и счастье народовъ, мирное развитіе науки, промышленности и благосостоянія, подъ сѣнію твердыхъ законовъ, таковъ былъ девизъ всей ея дѣятельности, всей ея политики. Съ этой точки зрѣнія и надо смотрѣть на тотъ актъ, который она создала, на такъ называемый первый вооруженный нейтралитетъ. Екатерининская декларация 28 февраля 1780 года есть ничто иное, какъ попытка защитить слабого нейтральнаго отъ произвола сильнаго воюющаго; попытка уменьшить по возможности бѣдствія и результаты войны. Союзъ, извѣстный подъ названіемъ перваго вооруженнаго нейтралитета — есть ничто иное какъ попытка создать такой союзъ, который охранялъ бы *право* и не позволялъ бы *силѣ* попи-

рать право. Союзъ—который положилъ бы конецъ своеволію и безправію воюющаго. Очевидно, изъ этой точки зрѣнія надо исходить и намъ, желающимъ чествовать этотъ актъ. Авторъ статьи „Моск. Вѣдом.“ эпитафюмъ поставилъ весьма мѣткую фразу: гусиное перо сильнѣе львиной лапы. Исходя изъ этого положенія, намъ нужно имѣть такое произведеніе «пера», которое было бы сильнѣе «львиной лапы». Но такое сочиненіе, которое было проэктировано въ прошломъ засѣданіи, этотъ сводъ благихъ пожеланій, этотъ международный кодексъ неизвѣстно какихъ законовъ, неизвѣстно кѣмъ изданныхъ и ни для кого необязательныхъ, никомъ образомъ не будетъ сильнѣе ничьей «лапы» и никомъ образомъ обуздывать своеволие и безправіе сильнѣйшей на морѣ, Англіи — не можетъ. Будетъ ли ей тепло или холодно отъ кодекса ни для кого необязательнаго, отъ собранія постановленій, весьма полезныхъ для Россіи, но никѣмъ не изданныхъ, никѣмъ не принятыхъ и никѣмъ не санкціонированныхъ. Въ глазахъ Англіи это будетъ не болѣе какъ безсильная злоба, и ничего кромѣ улыбки конечно не вызоветъ. Ужъ если желать имѣть такое сочиненіе, которое могло бы хоть сколько нибудь обуздать Англію, то исходя изъ поставленнаго авторомъ статьи „Москов. Вѣдом.“ эпитафюма, было бы полезнѣе написать историческій очеркъ примѣненія Англіею принциповъ морскаго международного права, а главное очеркъ практики англійскихъ призовыхъ судовъ, тѣ знаменитыя рѣшенія и мотивы, которые доставили извѣстность многимъ англійскимъ призовымъ судьямъ. Такой очеркъ, я не скажу, обуздавъ бы Англію, но онъ былъ бы крайне поучителенъ для насъ русскихъ, какъ руководство къ практической жизни, какъ опытъ и практика сильной морской державы. Это не будетъ напыфлетъ, потому что будетъ основанъ на историческихъ фактахъ, но въ такомъ очеркѣ Англія узнаетъ сама себя и увидитъ возможность самой быть въ положеніи тѣхъ, съ кѣмъ она такъ безцеремонно поступала. Англія такъ часто нарушала трактаты, такъ часто попирала принципы безусловной справедливости, что историческій очеркъ англійской практики по вопросамъ морскаго международного права, а главное практики англійскихъ призовыхъ судовъ, представилъ бы драгоценный матеріалъ для исторіи международного права и драгоценный источникъ для практическаго руководства другимъ, болѣе молодымъ морскимъ державамъ.

Такое сочиненіе могло бы быть сильнымъ оружіемъ противъ Англіи. Собранныя вмѣстѣ, въ одно цѣлое, историческіе факты, способы примѣненія принциповъ морскаго международного права и рѣшенія призовыхъ судовъ—дадутъ прекрасное оружіе въ руки ея противника, который будетъ имѣть возможность бить ее собственнымъ ея же оружіемъ.

Международное право такъ еще юно, что практика и политика такой сильной и старой морской державы, какъ Англія — должны служить лучшимъ прецедентомъ и примѣромъ для остальныхъ.

И если бы Россія, напримѣръ, захотѣла примѣнить эти прецеденты и примѣры къ Англіи, то такое сочиненіе, такой очеркъ,

можно думать, оказался бы написаннымъ въ исключительныхъ интересахъ Россіи и въ то же время былъ бы объективно научнымъ и исторически вѣрнымъ трудомъ.

Каждый разъ когда встрѣчался бы какой либо спорный съ Англіей вопросъ,—его можно было бы разрѣшать,—по отношенію къ ней такъ же, какъ разрѣшала его она сама. Такое соображеніе рѣшеній, мотивовъ и толкованій Англіею вопросовъ морскаго международнаго права, было бы гораздо полезнѣе для Россіи и государствъ солидарныхъ съ нею, чѣмъ международный кодексъ, или вѣрнѣе проектъ международныхъ законовъ, неизвѣстно кѣмъ изданныхъ и ни для кого не обязательныхъ.

Предсѣдатель. Пользуясь сдѣланнымъ вами перерывомъ, я позволю себѣ просить васъ обратиться къ предмету преній.

Долговъ. Поэтому первое мое предложеніе состоитъ въ томъ, что если желательно имѣть сочиненіе, которое соотвѣтствовало бы эпиграфу статьи «Московскихъ Вѣдомостей», то я полагаю бы самымъ подходящимъ собрать въ историческомъ и цѣльномъ очеркѣ тѣ факты, изъ которыхъ было бы видно, какъ сама Англія рѣшала вопросы морскаго международнаго права, чѣмъ мотивировала она эти рѣшенія, а главное какъ рѣшали эти вопросы англійскіе призовые судьи, приобрѣвшіе извѣстность изворотливостью своихъ рѣшеній и мотивовъ. Таково мое первое предложеніе. Затѣмъ, переходя ко второй цѣли предполагаемаго конкурснаго сочиненія и исходя изъ того, что дѣйствительно наше общество не имѣетъ почти никакого понятія по вопросамъ морскаго международнаго права, что наша юридическая литература вообще такъ бѣдна сочиненіями по морскому международному праву, я считаю не только полезнымъ, но безусловно необходимымъ распространить въ обществѣ правильныя понятія по вопросамъ морскаго международнаго права, знакомить общество съ современнымъ положеніемъ этихъ вопросовъ, а главное, знакомить съ тѣмъ, какъ эти вопросы должны рѣшаться въ интересахъ исключительно русскихъ, не отступая въ то же время отъ принциповъ безусловной справедливости и естественнаго закона. Но, какъ я уже сказалъ, сочиненіе однажды изданное никогда не въ состояніи распространить въ обществѣ правильныхъ понятій по вопросамъ морскаго международнаго права. Распространить эти понятія, возбудить въ обществѣ интересъ возможно не иначе, какъ путемъ постоянной *разработки* всѣхъ вопросовъ морскаго международнаго права. Каждый вопросъ, имѣющій для Россіи важность, долженъ быть подвергнутъ самой тщательной разработкѣ, причемъ необходимо, чтобы въ разработкѣ ихъ приняли участіе разные лица: не одни только юристы и ученые, но и, какъ справедливо замѣтилъ прошлый разъ г. Мартенсъ,—моряки-практики. Однажды изданное, специальное сочиненіе не можетъ распространить въ обществѣ правильныхъ понятій и постоянно держать общество на уровнѣ современнаго интереса, современнаго положенія вопросовъ морскаго права. Цѣль эта можетъ быть достигнута путемъ разработки въ періодической литературѣ. Но если въ этой разработкѣ примутъ участіе одни только ученые

теоретики, то очень может быть, что они напишутъ прекрасное сочиненіе съ точки зрѣнія философіи и права, положить въ основаніе труда принципы теорій; но они могутъ не затронуть такіе вопросы, которые моряку встрѣчались безпрестанно на практикѣ; освѣтить ихъ не тѣмъ свѣтомъ, какой вызывается практикою морской службы, или указать вовсе не на то, что составляетъ исключительные интересы русскіе. Не могутъ потому, что они — люди теорія, и, не смотря на полную ихъ добросовѣстность и глубокое образованіе, они съ этими интересами и вопросами не знакомы практически. Мнѣ могутъ сказать, что конкурентами могутъ явиться и моряки, которые много плавали и которые на практикѣ встрѣчались съ вопросами морскаго международнаго права. Но эти лица слишкомъ заняты своими спеціальными обязанностями, да наконецъ они могутъ быть хорошо знакомы только съ отдѣльными частными вопросами морскаго международнаго права, которые встрѣчались въ ихъ практикѣ. Отсюда понятно, что для распространенія правильныхъ понятій по вопросамъ морскаго международнаго права, для ознакомленія общества съ этими вопросами, необходимо разработать каждый вопросъ въ отдѣльности, дать возможность высказаться людямъ всѣхъ партій и отгѣнковъ, выслушать мнѣніе и ученыхъ, и моряковъ-практиковъ, и совершенно постороннихъ незаинтересованныхъ лицъ. Только такимъ путемъ вопросы морскаго права могутъ получить всестороннюю разработку, чего нельзя достигнуть при одновременномъ изданіи, даже щедро примпрованнаго сочиненія. Для такой всесторонней разработки столь важныхъ для Россіи вопросовъ морскаго международнаго права, я полагаю бы весьма полезнымъ учредить особый фондъ на изданіе спеціальнаго органа, или журнала морскаго права и на щедрое вознагражденіе за статьи по вопросамъ морскаго права. Мѣра эта, можно надѣяться, привлечетъ лучшія силы къ разработкѣ вопросовъ нашего морскаго международнаго права, такъ какъ до сихъ поръ, мы видимъ, что всѣ желающіе писать по этимъ вопросамъ обращаются въ редакціи ежедневныхъ газетъ и должны довольствоваться тѣмъ остаткомъ мѣста, который редакціи благоугодно дать. Въ большинствѣ же случаевъ редакціи вовсе отказываются печатать статьи по спеціальнымъ вопросамъ, ссылаясь на то, что вопросъ слишкомъ специаленъ, или не подходитъ подъ направленіе газеты, или достаточно уже исчерпанъ.

Поэтому учрежденіе особаго, спеціальнаго журнала морскаго права (понимая въ томъ числѣ конечно и международное) и полагалъ бы болѣе чѣмъ полезнымъ—необходимымъ для пользы самого морскаго дѣла. При существованіи такого спеціальнаго журнала, вопросы морскаго международнаго права могутъ идти своею очередью, по каждому изъ нихъ — могутъ высказаться и юристы, и профессора, и дипломаты, и люди практики, и моряки — словомъ всякій, кто интересуется нашимъ морскимъ дѣломъ. При такомъ свободномъ обмѣнѣ мыслей, можно сказать съ увѣренностью, что всѣ вопросы морскаго международнаго права будутъ разработаны

разносторонние и рассмотрѣны со всѣхъ точекъ зрѣнія, а затѣмъ изъ цѣлой массы этихъ статей составится по каждому вопросу цѣлая литература. Такая разработка вопросовъ морскаго международного права для меня понятна и такой способъ распространенія правильныхъ понятій по этимъ вопросамъ — дѣйствительно ознакомитъ общество съ современнымъ положеніемъ вопросовъ международнаго права. Статьи эти представятъ превосходный сырой матеріалъ для того, чтобы спеціалисты, ученые юристы, люди науки — разработали ихъ потомъ въ формѣ кодекса, какъ послѣднее слово науки по каждому вопросу морскаго международного права. Поэтому второе мое предложеніе состоитъ изъ томъ, чтобы основать спеціальнй журналъ морскаго права и отчислить такой капиталъ, проценты съ котораго шли бы на вознагражденіе авторовъ за напечатанныя статьи по вопросамъ этого права. Щедрое вознагражденіе за эти статьи, повторяю, привлечетъ всѣ лучшія силы къ разработкѣ всѣхъ вопросовъ морскаго права.

Затѣмъ я перехожу къ третьему предложенію.

Выше я сказалъ, что Екатерина, подъ вліяніемъ западныхъ философовъ, была проникнута единственною цѣлью — заботиться о благѣ и счастіи человѣчества. Декларация 28 февраля 1780 года и союзъ, основанный на ея началахъ подъ названіемъ «Перваго вооруженнаго нейтралитета» — были ничто иное, какъ попытки создать такой союзъ, который въ международной жизни охранялъ бы право отъ посягательства силы и не позволялъ бы силѣ попирать право. Таково значеніе этой декларации. Но никто, надѣюсь, не возьмется утверждать, что война приносить или можетъ принести народамъ благо и счастіе. Піемонтскій ученый Деместръ можетъ называть войну учрежденіемъ божественнымъ; пусть Прудонъ называетъ ее нашимъ идеаломъ, нашей душой, нашей жизнью, поэзіей, нашимъ всѣмъ; пусть Гегель доказываетъ логическую необходимость войны, какъ освѣженіе общества отъ нравственнаго застоя; пусть наконецъ множество другихъ защитниковъ войны доказываютъ ея необходимость и даже полезность и благотворительность ея — но съ другой стороны я могъ бы привести имена не менѣе знаменитыхъ и уважаемыхъ ученыхъ и философовъ, которые неопровержимо доказываютъ бѣдственность войны, ея не состоятельность, какъ средства рѣшенія спора и даже какъ наказанія за оскорбленія. Господство силы — потеряло право на существованіе. Одно только состояніе мира можетъ дать человѣчеству тѣ блага, въ которыхъ оно нуждается. Одно только мирное и спокойное развитіе наукъ, искусства, торговли и промышленности можетъ доставить человѣчеству благосостояніе, а съ нимъ вмѣстѣ и возможное счастіе. Но что же для этого нужно? Для этого нужно, чтобы войны перестали существовать. Чтобы международныя недоразумѣнія, споры и столкновенія рѣшались не крѣпостью штыка и мѣткостью пулп, а силою логики и разума, силою великаго принципа безусловной справедливости. Но если невозможно сразу уничтожить войны, то надо по крайней мѣрѣ достигнуть того, чтобы онѣ сдѣ-

лались по возможности рѣже и потеряли бы наконецъ право на существованіе, чтобы онѣ сдѣлались ненужными. Сколько ни гуманизируйте войну, по до тѣхъ поръ пока судьей международныхъ споровъ будетъ сталь, желѣзо и свинецъ — до тѣхъ поръ врядъ ли возможно серьезно говорить о международномъ правѣ и о гуманизованіи войнъ.

Можно обличать ужасы войны, страданія и бѣдствіе раненыхъ. Но до тѣхъ поръ, пока война существуетъ—результатомъ ея останутся груды человѣческихъ костей и потоки человѣческой крови. Гуманизованія войнъ—есть поэтому самый слабый паліативъ. Человѣчество должно стремиться къ полному и совершенному уничтоженію войнъ, какъ института, потерявшаго уже право на существованіе. Человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы *право* замѣнило собою *силу* и чтобы международныя сношенія регулировались не числомъ пушекъ и крѣпостью штыка, а принципами вѣчной истины и безусловной справедливости. Короче говоря, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы международное право сдѣлалось *правомъ* не по одному названію, но и по существу, а для этого необходимо *возвести* международное право на степень юридическаго *права* и поставить его въ тѣ же условія, въ какихъ стоятъ прочія науки права.

Когда мы говоримъ уголовное право, гражданское право и т. п.—то мы подъ этимъ разумѣемъ законъ, регулирующий извѣстныя отношенія, законъ, исходящій отъ верховной власти и охраняемый институтами административныхъ и судебныхъ учреждений. Когда же мы говоримъ о международномъ правѣ, то намъ представляется нѣсколько иностранныхъ сочиненій съ одной стороны, и собраніе трактатовъ неизвѣстно гдѣ напечатанныхъ, неизвѣстно дѣйствующихъ или отмѣненныхъ, но за то безусловно извѣстно — ни для кого необязательныхъ, потому что они обязательны только по столько и только до тѣхъ поръ, пока государство желаетъ считать ихъ обязательными. Англія до настоящихъ дней подтверждаетъ это самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Но развѣ таково должно быть международное право, это право, которое должно регулировать отношенія высшихъ человѣческихъ обществъ? Оно должно быть *правомъ*, не по одному названію, но *правомъ* юридическимъ, имѣющимъ за собою извѣстную санкцію. А это возможно только тогда, когда и международное право будетъ поставлено въ тѣ же условія, какъ и всѣ остальные науки права, т. е. когда будетъ учреждена такая верховная, международная власть, отъ которой исходятъ бы обязательныя для всѣхъ членовъ международной семьи постановленія и которая могла бы слѣдить за точнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ этихъ постановленій, т. е., короче говоря, тогда, когда человѣчество дойдетъ до признанія необходимости имѣть верховный международный трибуналъ, призванный регулировать международныя отношенія, рѣшать споры и недоразумѣнія и охранять *право* отъ своеволія *силы*.

Мнѣ конечно отвѣтятъ что это—утопія. Но если даже это пока

и утопія, то во всякомъ случаѣ крайне желательная, и никакъ не невозможная. Мысль эта—не новая. Она была высказана еще въ 1715 г. абатомъ Сень-Пьеромъ, который предлагалъ проектъ общеевропейскаго сената. Эммануилъ Контъ предлагалъ учредить постоянный конгрессъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ. Много другихъ ученыхъ и государственныхъ людей, въ числѣ которыхъ можно указать на Эдинбургскаго профессора Lorimer'a и бывшаго президента государственнаго совѣта въ Парижѣ, Парье, и др. Предлагали также организовать родъ верховнаго международнаго трибунала.

Въ 1863 г. Наполеонъ III въ тронной рѣчи своей высказалъ планъ общеевропейскаго конгресса для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ и для прекращенія вооруженнаго положенія, столь разоряющаго государства. Такъ называемый священный союзъ 1815 г. инициатива котораго принадлежала Россіи—указываетъ на попытку организовать верховное международное учрежденіе. Онъ не имѣлъ успѣха, потому что въ основаніи его были положены однѣ только теократическія пачала. Но на знамени его были написаны: «assistance, aide et secours». Такъ называемая пентархія, созданная на Ахенскомъ конгрессѣ въ 1818 г.,—этотъ верховный международный сенатъ, въ учрежденіи котораго участвовала Россія—былъ учрежденъ для того, чтобы управлять европейскими международными дѣлами.

Затѣмъ, человѣчество, переживши періодъ постоянныхъ, непрекращавшихся войнъ, мало по мало и постепенно вступало въ тотъ періодъ, когда государства начинаютъ употреблять усилія къ тому, чтобы международныя столкновенія разрѣшались не желѣзомъ и кровью, а силою разума и права; человѣчество вступаетъ въ періодъ возникновенія большаго числа конгрессовъ. Табъ мы видимъ цѣлый рядъ конгрессовъ Тронаусскій (1820), Лайбахскій (1821), Веронскій (1822), Парижскій (1856) и мн. др.

Отмѣна нейтрализаціи Чернаго моря и другихъ отдѣльных статей парижскаго трактата, совершается не кровью и желѣзомъ, а мирною общеевропейскою конференціею въ Лондонѣ въ 1871 г. Наконецъ Константинопольская конференція по восточному вопросу и Берлинская конференція 1878 г.—суть ничто иное, какъ стремленія государствъ рѣшить споры и недоразумѣнія не въ ратномъ полѣ, а въ верховномъ международномъ совѣтѣ. Если конгрессы и конференціи эти не всегда имѣли успѣхъ, то только потому, что организація ихъ была случайная, временная. Это былъ съѣздъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ и, слѣдовательно, пристрастныхъ лицъ. Это не былъ верховный трибуналъ, стоявшій выше всѣхъ партій и хладнокровно, безпристрастно обсуждавшій возникшее недоразумѣніе. Наконецъ, можно указать на 8 ст. парижскаго трактата 1856 г., и на признанное всѣми *посредничество*, извѣстное подъ названіемъ *bons offices*.

Наконецъ мнѣніе ученыхъ. Я не буду перечислять здѣсь всѣхъ тѣхъ, кто ратуетъ за уничтоженіе войнъ и замѣну силы—правомъ.

Я укажу только на существованіе Гентскаго института междуна-
роднаго права, на знамени котораго написано *правосудіе и миръ*.

Все это, взятое вмѣстѣ, ясно и положительно доказываетъ, что война отживаетъ свой вѣкъ, теряетъ всякое право на существованіе, и что въ сознаніи государствъ и народовъ все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль о необходимости создать верховный международный трибуналъ и замѣнить институтъ силы, желѣза и крови—институтомъ права, безпристрастія и справедливости.

Россія во всей своей внѣшней политикѣ всегда стояла во главѣ всего, что есть благороднаго, возвышеннаго и гуманнаго. Россіи принадлежалъ починъ всего, что касалось облегченія бѣдъ-
ствий и страданій человечества, защиты слабаго, обузданія сильнаго. Актъ, столѣтіе котораго мы хотимъ почтить — былъ направленъ именно къ тому. Затѣмъ священный союзъ—былъ дѣломъ Россіи. По ея инициативѣ онъ созданъ. Россія участвуетъ также въ пен-
тархіи. Въ 1868 г. Россія во имя цивилизаціи и гуманности вызы-
ваетъ объ уничтоженіи разрывныхъ пуль и по ея почину является
Петербургская конвенція 11 декабря 1868 г.

Въ 1871 г. вмѣсто самоуправнаго уничтоженія несправедли-
выхъ и силою включенныхъ статей парижскаго трактата,—вмѣсто
огня и желѣза, Россія обращается къ европейскому международному
трибуналу, и во имя прогресса и цивилизаціи, подвергаетъ вопросъ
на обсужденіе международнаго совѣта.

Въ 1874 году, опять-таки по приглашенію Россіи, во имя ци-
вилизаціи и гуманности, созывается въ Брюсселѣ международная
конференція для обсужденія проекта положенія о законахъ и обы-
чаяхъ войны. Заключительный протоколъ этой конференціи красно-
рѣчивѣе всего говоритъ о положеніи Россіи—всегда во главѣ всего
возвышеннаго, гуманнаго и благороднаго. Наконецъ послѣднія собы-
тія до войны, самая война и берлинская конференція лучше всякихъ
словъ доказываютъ, что Россія всегда готова возвысить голосъ за
слабаго и угнетеннаго, что она всегда готова создать международ-
ный союзъ на защиту права отъ своеволія силы. Не Россія вино-
вата, если верховный международный трибуналъ въ Константино-
полѣ не имѣлъ успѣха. Не ея вина, если она не нашла себѣ от-
голоска и сочувствія въ дѣлѣ защиты болгарина. Но за то все это
съ очевидностію указываетъ намъ, что идея Екатерины Великой
создать союзъ для защиты слабаго права отъ своеволія силы, жи-
ветъ въ Россіи по сейчасъ и что Россія первая всегда готова обра-
титься къ верховному международному трибуналу раньше чѣмъ
взяться за оружіе. По этому, М. Г., кому-же кромѣ Россіи должна
принадлежать честь поднять и серьезно затронуть вопросъ о соз-
даніи верховнаго международного трибунала для регулированія меж-
дународныхъ отношеній, и какой другой моментъ можетъ быть
лучше избранъ какъ не столѣтіе того акта, на началахъ ко-
торого былъ созданъ первый международный союзъ на защиту права.

Самымъ лучшимъ чествованіемъ, самымъ лучшимъ памятникомъ
столѣтія вооруженнаго нейтралитета—будетъ *еще шагъ впередъ* на

пути цивилизаціи и гуманности, это починъ Россіи въ созданіи верховнаго международнаго трибунала.

Мнѣ опять скажутъ, я знаю, что это утопія. Но каждая новая идея всегда называлась въ началѣ утопійей, пока кто-нибудь не дѣлалъ почина. До тѣхъ поръ, пока идея эта не проникала въ общественное сознаніе, пока общество не сживалось съ этой идеей до тѣхъ поръ идея считалась утопійей. Надъ нею смѣялись, подвергали ее поруганію, ее преслѣдовали, даже казнили за нее, но съ теченіемъ времени идея эта мало по малу проникала въ общественное сознаніе, общество начинало воспринимать ее, усваивать ее себѣ и въ концѣ концовъ идея получала практическое примѣненіе. Утопія становилась дѣйствительностію. Начинали молиться и поклоняться тому, надъ чѣмъ такъ недавно еще смѣялись, что такъ недавно преслѣдовали. Ни одна новая идея не получаетъ примѣненія тотчасъ-же; каждая новая идея кажется чудовищною, утопическою, пока не привьется достаточно къ обществу, пока не будетъ сдѣланъ авторитетный починъ. Для того, чтобы и предлагаемая мною утопія перешла изъ области утопій въ область дѣйствительности, необходимъ починъ, починъ не частнаго, единичнаго лица, а починъ громкій, починъ авторитетный.

Пусть такой починъ принадлежитъ Россіи, какъ принадлежалъ ей починъ во всемъ, что касалось уменьшенія бѣдствій и облегченія страданій человѣчества. Екатерина создала союзъ для защиты права, для замѣны силы—правомъ. Поэтому, лучшимъ чествованіемъ столѣтія этого союза я полагаю-бы учрежденіе конкурса для сочиненія на тему о лучшей организаціи верховнаго международнаго трибунала, для изданія обязательныхъ международныхъ законовъ и регулированія международныхъ отношеній. Конкурсъ этотъ обратитъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Пусть ученые всего свѣта возьмутъ эту общую, нейтральную тему и напишутъ: какъ долженъ быть устроенъ этотъ трибуналъ, какой долженъ быть его составъ, степень власти, юрисдикція и пр. Такой конкурсъ будетъ не робкій голосъ Сенъ-Пьера, Парье и т. п. Онъ вызоветъ лучшія силы на работу по этому вопросу, и можетъ быть перенесетъ эту идею изъ области утопій въ область дѣйствительности. Нѣмецкій ученый Блунчли надѣется, что починъ въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать Германіи. Я думаю, М. Г., что каждый изъ насъ погордился-бы и порадовался-бы, если-бы починъ въ такомъ гуманномъ дѣлѣ, какъ возможное уменьшеніе войнъ и учрежденіе верховнаго международнаго трибунала—будетъ принадлежать Россіи. Назначеніе всемірнаго международнаго конкурса и будетъ такимъ починомъ. Починъ этотъ обратитъ вниманіе ученыхъ всего міра и если-бы даже онъ не имѣлъ ближайшаго успѣха, то честь такого почина принадлежала-бы русскому обществу. Честь эта—была-бы лучшимъ памятникомъ Екатерининскаго союза. Починъ такой—былъ-бы еще шагомъ впередъ на пути прогресса, цивилизаціи и гуманности, и, находясь въ полномъ соотвѣтствіи со всею внѣшнею по-

литичкою Россіи, вписалъ-бы въ ея исторію еще одну блестящую страницу.

Предсѣдатель. Только что сдѣланное предложеніе относится къ 4-му вопросу, т. е. къ вопросу: какую тѣму избрать для ближайшаго, перваго конкурса и отчасти къ вопросу 1-му, т. е. при какихъ условіяхъ полезенъ будетъ проектируемый конкурсъ? По предложенію оратора выходитъ, что конкурсъ желателенъ, если тѣмами будутъ: историческій обзоръ рѣшеній Англіи вопросовъ морскаго международнаго права при различныхъ случаяхъ и составленіе проекта организаціи международнаго трибунала. Кромѣ того, ораторъ желаетъ, чтобы собранія суммы были отчасти употреблены на то, чтобы поощрять авторовъ статей, написанныхъ по вопросамъ международнаго права. Такъ какъ эти предложенія касаются вопроса, по которому мы не ограничиваемся объѣмномъ взглядомъ, а признали необходимымъ постановить резолюцію и такъ какъ предложеній и мотивовъ оратора мы не имѣли въ виду въ засѣданіи 9-го апр., то позвольте спросить: признаетъ ли собраніе, по выслушаніи заявленій г. Долгова, нужнымъ измѣнить постановленную нами въ прошлый разъ ту резолюцію, что тѣмой перваго конкурса должна быть декларация 1780 г. въ полномъ ея объемѣ. Я прошу сперва высказываться тѣхъ, которые желаютъ измѣнить резолюцію (*молчаніе*). Можетъ быть кому нибудь угодно говорить противъ измѣненія.

Казанскій. Можетъ быть нѣкоторые будутъ поддерживать сдѣланное предложеніе.

Предсѣдатель. Можетъ быть кто нибудь расположенъ поддержать г. Долгова, но не желаетъ излагать мотивовъ, т. е. просто желаетъ подать голосъ за предложенія г. Долгова.

Пиленко. Я желаю поддержать.

Казанскій. Я тоже сочувствую нѣкоторымъ изъ только что высказанныхъ предложеній и полагаю, что ими можно было бы добавитъ уже принятыя.

Предсѣдатель. Кому еще изъ гг. присутствующихъ угодно поддерживать сдѣланныя сейчасъ предложенія. Кто еще желаетъ присоединиться къ предложенію г. Долгова.

Мейснеръ. Я присоединяюсь.

Предсѣдатель. Не имѣется ли еще? (*Молчаніе*). Не желаетъ ли кто возражать противъ сдѣланныхъ предложеній?

Фридеманъ. Ораторъ прежде всего указалъ на то, что предпологаемое сочиненіе не будетъ имѣть практическаго значенія. Я полагаю, что всякое ученое изслѣдованіе будетъ имѣть практическое значеніе, потому что если какой-нибудь вопросъ будетъ разрѣшенъ научнымъ образомъ, то это непременно отразится на жизни. Ораторъ говоритъ, что такое сочиненіе останется безъ слѣда въ обществѣ, что общество вообще мало обращаетъ вниманія на ученые сочиненія. Вообще можно замѣтить, что въ обществѣ, въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается, не обращаютъ вниманія на эти вопросы. Но здѣсь разумѣется подъ обществомъ кружокъ специали-

ство, въ которомъ всегда обращается вниманіе на научные вопросы. Съ другой стороны если какой нибудь научный вопросъ рѣшенъ, то всегда является значительное число людей, которые стараются популяризовать его. Ораторъ предлагаетъ еще объявить конкурсъ на сочиненіе о нарушеніи Англіею правъ другихъ націй на морѣ. Но это такъ извѣстно, что задавать конкурсъ исключительно на эту тему нѣтъ надобности. Во всѣхъ учебникахъ международного права указывается на то, какъ дѣйствовала Англія, что она считается царицей морей, что она творила что хотѣла и т. д. Поэтому нѣтъ надобности повторять это въ сочиненіи, въ которомъ разрабатывается чисто научный вопросъ. Разумѣется, авторъ въ соответствующихъ случаяхъ укажетъ на историческіе примѣры дѣйствій Англіи. Поэтому, повторяю, представляется излишнимъ объявлять конкурсъ на специальное сочиненіе о нарушеніи Англіею трактатовъ и вообще международного права. Англичане сами всегда признавали эти нарушенія; они никогда не соглашались на измѣненіе ихъ взгляда на морское международное право, и у нихъ есть цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ вопросъ этотъ разсматривался съ ихъ точки зрѣнія и гдѣ говорилось, что Англія есть царица морей и что ей одной принадлежитъ право на моря, т. е. что моря являются частною собственностью Англіи. Это такія извѣстныя вещи, что дѣлать темой сочиненія нарушенія Англіи оказывается излишнимъ. Что касается до предложенія о раздробленіи премій, то это не достигнетъ цѣли. Тутъ требуется весьма серьезная разработка вопроса въ научномъ смыслѣ. Журнальныя статьи не достигнутъ вполне своей цѣли, потому что онѣ не могутъ прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ извѣстный специальный вопросъ. Я полагаю, что слѣдуетъ назначить довольно крупную премию на разработку морскихъ международныхъ вопросовъ, чтобы заинтересовать лучшихъ специалистовъ и весьма значительныхъ ученыхъ, которые могли бы посвятить свой трудъ на изученіе и серьезно разработать нѣкоторые важные вопросы. Затѣмъ вслѣдъ за большой преміей могутъ быть назначены маленькія преміи на популяризацию строго научнаго сочиненія. Но все-таки должна быть установлена довольно крупная премія за строго научно разработанное сочиненіе. Что касается до устройства международного трибунала, то это дѣйствительно утопія. Этотъ вопросъ подымался уже нѣсколько разъ учеными. Но невозможная вещь подымать въ настоящее время этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что ораторъ сравнивалъ устройство верховнаго трибунала съ судомъ въ гражданскомъ отношеніи. Но ораторъ упустилъ изъ виду, что при дѣйствіи гражданскихъ судовъ всегда есть суверенитетъ, а когда будетъ устроенъ международный трибуналъ, то здѣсь суверенитета нѣтъ, или же придется выбрать императора на весь земной шаръ, на извѣстный комплектъ государствъ, которыя сюда входятъ. Я полагаю, что въ настоящее время это есть слишеюмъ отдаленный вопросъ, и что теперь есть гораздо болѣе важные вопросы для Россіи, которыми скорѣе слѣ-

дуетъ заниматься. Поэтому я полагаю оставить прежнюю тѣму для сочиненія.

Мартенсъ. Что касается до поднятаго здѣсь вопроса объ учрежденіи международнаго трибунала, то какъ теоретикъ, я могу отнестись къ нему только съ полнымъ сочувствіемъ. Но я боюсь, что всѣ доводы, которые приведены въ пользу его, не вполне могутъ быть приняты обществомъ, которое имѣетъ въ виду специальную цѣль—содѣйствовать разработкѣ вопросовъ морскаго права, а не возбуждать такихъ вопросовъ, какъ объ учрежденіи верховнаго трибунала для разрѣшенія всѣхъ международныхъ споровъ. Въ числѣ главныхъ доводовъ въ пользу сдѣланнаго предложенія здѣсь было указано на то, что честь почина въ этомъ вопросѣ будетъ принадлежать исключительно Россіи и слѣдовательно мы будемъ дѣйствовать вполне въ духѣ и цѣляхъ екатерининской деклараціи, предлагая на состязаніе тѣму объ организаціи международнаго третейскаго трибунала. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики, потому что вопросъ о международномъ трибуналѣ давнымъ давно разрабатывается въ литературѣ. Институтъ международнаго права, послѣ извѣстнаго женевского разбирательства по алабамскому вопросу, даже учредилъ комиссію для составленія устава для международного третейскаго суда. Въ составленіи этого устава участвовали какъ европейскіе ученые, такъ и ученые С. Штатовъ. Уставъ этотъ готовъ, и теперь только отъ правительствъ зависитъ, въ случаѣ ихъ согласія на учрежденіе третейскаго трибунала, обратиться къ этому уставу, чтобы имѣть твердую юридическую почву для разрѣшенія вопросовъ, которые правительства желаютъ рѣшать судомъ, а не оружіемъ. Поэтому, если общество и приметъ это предложеніе, т. е. предложитъ на состязаніе вопросъ объ учрежденіи международнаго трибунала, то и здѣсь честь почина за Россіей и обществомъ признана быть не можетъ, потому что этотъ починъ принадлежитъ другимъ. Въ виду этихъ соображеній, приведенный главный доводъ не выдерживаетъ критики. Затѣмъ есть еще другой доводъ, который также не можетъ быть признанъ достаточно убѣдительнымъ. Общество имѣетъ цѣлью воспользоваться юбилеемъ екатерининской деклараціи для того, чтобы содѣйствовать разработкѣ и распространенію правильныхъ понятій касательно морскихъ интересовъ Россіи и вопросовъ морскаго международного права. Слѣдовательно, въ виду екатерининской деклараціи, которая касается только морскаго международного права, общество должно остановиться на этой почвѣ, т. е. на почвѣ морскаго международного права и морскихъ интересовъ Россіи. Поэтому если общество будетъ задаваться цѣлью учредить какой-то международный трибуналъ, то я лично могу сочувствовать этой идѣ, но общество не будетъ находится въ тѣхъ предѣлахъ, въ которые оно само себя поставило. Оно желаетъ выяснитъ вопросы морскаго права, содѣйствовать распространенію правильныхъ идей относительно морскихъ интересовъ Россіи и тѣхъ государствъ, которыя солидарны съ нею. Но вопросъ относительно третейскаго трибунала съ мор-

скимъ правомъ никакого отношенія не имѣеть. Далѣе, противъ единогласно принятой въ прошломъ засѣданіи резолюціи было сказано, что она недостаточно практическая и лишена реальной почвы. Упрекъ этотъ былъ сдѣланъ по поводу постановленія прошлаго засѣданія о томъ, что екатерининская декларация, *во всѣхъ своихъ статьяхъ*, будетъ предметомъ сочиненій, которыя будутъ представлены на конкурсъ. По моему крайнему разумѣнію, эта резолюція вполне практическая; она нисколько не противорѣчитъ назначенію общества, въ средѣ котораго я имѣю честь быть въ настоящее время, и, наконецъ, она совершенно соотвѣтствуетъ и духу, и цѣли екатерининской деклараціи. Поэтому, говорить о непрактичности этой резолюціи не вполне основательно. Я вполне присоединяюсь къ ней и высказываю полное сочувствіе тому рѣшенію, которое было принято въ прошломъ засѣданіи, а именно, что предметомъ конкурса должно быть сочиненіе, обнимающее всесторонне екатерининскую декларацию. Что касается до предложенія задать тему, въ которой бы разсматривалось исторически развитіе всѣхъ посягательствъ Англіи на права Россіи и другихъ державъ, то эта тема отчасти разработана въ сочиненіи Отфейля, частью же у самихъ англичанъ, въ сочиненіяхъ которыхъ можно пайти множество страницъ, гдѣ указывается на посягательства, которыя дѣлала Англія. Слѣдовательно, историческая разработка этихъ посягательствъ Англіи не будетъ новой темой. Поэтому, если будетъ написано сочиненіе на эту новую предложенную тему, то оно вѣлада въ европейскую литературу не составитъ; оно составитъ вкладъ въ нашу бѣдную литературу. Впрочемъ, относительно нашей литературы можно указать на вышедшее на дняхъ сочиненіе доцента харьковскаго университета Даневскаго: «Историческій очеркъ нейтралитета», въ которомъ подробно указывается на посягательства Англіи на права нейтральныхъ. Это сочиненіе прямо подходитъ подъ то предложеніе, которое только что было высказано. Наконецъ, замѣчу, что когда въ прошлый разъ я подалъ голосъ за тему въ той формѣ, какъ она была тогда предложена, то я, а также вѣроятно и другіе почтенные члены, нисколько не задавался тою мыслью, что это сочиненіе должно быть памфлетомъ на посягательства Англіи и должно служить если не политической, то литературной демонстраціей, такъ сказать, литературнымъ объявленіемъ войны Англіи. Было бы весьма грустно и совершенно неумѣстно, если бы авторъ поставилъ себѣ *единственною* задачею, доказывать всѣ посягательства Англіи на права Россіи и другихъ народовъ и выставлять ее въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Если это будетъ цѣль труда, то едва-ли общество согласится содѣйствовать составленію такого рода трудовъ и для такихъ цѣлей. Сочиненіе, на составленіе котораго вызываются наши и заграничныя литературныя силы, должно объективно, безпристрастно и основательно разбирать дѣйствія Англіи съ точки зрѣнія интересовъ Россіи и указать на тѣ дѣйствія и распоряженія, которыя съ точки зрѣнія права и морскихъ обычаевъ не выдерживаютъ критики. Но прямо поставить

цѣлью: обвинять Англію, добазывать, что она дѣйствуетъ подло и т. д., едва-ли будетъ, вполнѣ согласно даже съ достоинствомъ сочиненія и настоящаго достопочтеннаго собранія. Поэтому я вполнѣ остаюсь при томъ мнѣніи, которое было принято въ прошломъ за-сѣданіи.

Предсѣдатель. Такъ какъ почти все собраніе остается при своемъ прежнемъ мнѣніи, то позвольте приступить къ окончательной редакціи резолюціи по 4 и 5 вопросу. Угодно-ли вамъ остановиться на слѣдующей редакціи: *„собраніе считаетъ лучшимъ конкурентною тѣмъ всю декларацию 1780 года и признаетъ желательнымъ, чтобы сочиненія были написаны въ духъ и цѣляхъ этой декларации“*.

Крейтеръ. Я прошу позволенія сдѣлать небольшое добавленіе въ редакціи. Я совершенно съ нею согласенъ, но нахожу, что она не вполнѣ обнимаетъ собою весь смыслъ: „въ духѣ и цѣляхъ декларации“. Собраніе, задавая такую задачу, желало указать автору, чтобы онъ обратилъ вниманіе на политику Екатерины II,—на то, что Она сдѣлала; а затѣмъ, по указанному Ею пути, идти далѣе. Я нахожу, что эта редакція не вполнѣ правильна. Собраніе говоритъ, что сочиненіе должно быть написано въ духѣ и цѣляхъ декларации и не указываетъ ни единымъ словомъ объ идеѣ о вооруженномъ нейтралитетѣ.

Можетъ быть я неправильно понимаю, но я раздѣляю понятіе „въ духѣ и цѣляхъ декларации“ и понятіе о вооруженномъ нейтралитетѣ. Поэтому, чтобы охарактеризовать вполнѣ все дѣло Екатерины II, къ этой редакціи должно быть прибавлено и въ духѣ вооруженнаго нейтралитета, потому что по всему, чѣмъ наиболѣе заявила Себя Екатерина II, Она заслужила право быть названною законодательницею морей, заслужила право сдѣлать починъ для новаго періода исторіи. Это было указаніе на тотъ солидарный образъ дѣйствій, благодаря которому есть возможность успѣшно бороться съ могущественными морскими державами. Поэтому, если отдѣлнить принципы деклараціи Екатерины II, то едва-ли будетъ вѣрно охарактеризовано ея значеніе. Всѣ принципы этой деклараціи или если не всѣ, то почти всѣ, гораздо ранѣе Екатерины II были высказаны. Главная заслуга ея въ томъ, что принципы, существовавшіе прежде въ исторіи, не имѣли возможности осуществиться благодаря отсутствію авторитета, который-бы ихъ поддержалъ, но все это положеніе рушилось благодаря только Ей. Она указала, что въ настоящее время есть средство найти такой авторитетъ, который поддержалъ-бы эти принципы. Авторитетъ этотъ былъ высказанъ не въ смыслѣ трибунала, а въ смыслѣ международной организаціи. Нейтральныя, дѣйствуя въ разбродѣ, не могли достигнуть результата. Екатерина сказала нейтральнымъ: мы должны дѣйствовать вмѣстѣ и въ концѣ концовъ достигнемъ, что наше право должно быть осуществлено. Такимъ образомъ вся суть, все зна-

ченіе новаго дѣла Екатерины II,—это есть идея о вооруженномъ нейтралитетѣ. Поэтому я желаю, чтобы къ этой редакціи были прибавлены слова „и въ духѣ вооруженнаго нейтралитета“, такъ какъ это есть новое средство, указанное Екатериной II и не потерявшее въ настоящее время значенія, потому что въ настоящее время средствомъ войны противъ одной державы есть, конечно, союзъ для охраненія общихъ интересовъ.

Предсѣдатель. Не будетъ-ли указаніе на средства стѣсненіемъ для творческой части конкурсныхъ трудовъ. Можетъ быть кто-либо изъ авторовъ найдетъ иное лучшее средство для осуществленія тѣхъ-же началъ.

Крейтеръ. Онъ можетъ указать на это средство, можетъ указать и на другія средства. Наконецъ изъ всѣхъ рѣчей ясно было видно, что дѣйствительно въ настоящее время идея о международномъ трибуналѣ не можетъ быть осуществлена и слишкомъ отдаленна. Между тѣмъ, идея союза была осуществлена какъ въ первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ, такъ и во второмъ и по настоящее время это есть почти единственное средство. Во всякомъ случаѣ, авторъ не можетъ не коснуться, онъ обязанъ коснуться этого средства. Если онъ найдетъ возможнымъ указать на новое средство, то это его дѣло. Но если онъ будетъ стоять на почвѣ деклараціи Екатерины II, если ему указываютъ, что онъ долженъ писать въ духѣ деклараціи Екатерины II, то онъ непремѣнно долженъ коснуться самаго главнаго дѣла Екатерины II, именно идеи о вооруженномъ нейтралитетѣ, который до Екатерины II никогда не былъ провозглашаемъ.

Предсѣдатель. Такъ какъ мы сказали, что декларація должна быть рассмотрѣна всесторонне, то разумѣется, это войдетъ въ сочиненіе. Но предложеніе оратора клонится къ тому, что онъ не видитъ другихъ способовъ осуществленія этихъ принциповъ, какъ вооруженный нейтралитетъ. Вѣрно-ли я васъ понялъ?

Крейтеръ. Нѣтъ. Я только указываю, что должно обратить на это вниманіе. Но если авторъ найдетъ нужнымъ критиковать это, то это его добрая воля. Если онъ признаетъ средство союза недостаточнымъ и укажетъ еще на новое средство, то это его дѣло. Если редакторы допустятъ стѣсненіе, то, будучи послѣдовательны и желая охарактеризовать сущность дѣла Екатерины II, они не могутъ упускать изъ виду вооруженнаго нейтралитета.

Предсѣдатель. Вопросъ заключается въ томъ, что не слѣдуетъ-ли предопредѣлить основныя положенія, держаться которыхъ обязательно для автора. Мы рѣшили, что обязательно писать „въ духѣ и цѣляхъ деклараціи“. Поэтому я спрашиваю: нужно-ли прибавить „и въ духѣ вооруженнаго нейтралитета“?

Мартенсъ. Я того мнѣнія, что нѣтъ, потому что провести какое либо-существенное различіе между деклараціею 1780 года и союзомъ вооруженнаго нейтралитета рѣшительно нельзя. Это будетъ и фактически, и исторически невѣрно. Сама Екатерина II, во введеніи въ деклараціи, прямо указываетъ на необходимость охранять эти

принципы посредствомъ соединенія государствъ, интересы которыхъ солидарны по отношенію къ морской войнѣ. Поэтому мысль о томъ, что принципы деклараціи должны быть поддержаны непременно какой-нибудь силой или союзомъ нейтральныхъ государствъ, неразрывно и органически связана съ самыми принципами. Всякій, кто хочетъ написать сочиненіе объ Екатерининской деклараціи, не можетъ не касаться союза вооруженнаго нейтралитета. Это совершенно немислимо и невозможно. Отдѣлить теоретическія начала деклараціи отъ устроеннаго для ихъ осуществленія союза, представляется совершенно невозможнымъ. Вооруженный нейтралитетъ даетъ санкцію, даетъ свѣтъ, даетъ основаніе 5 статьямъ, которые заключаютъ въ себѣ декларацію. Поэтому, я полагаю, совершенно излишне прибавлять слова «и въ духѣ вооруженнаго нейтралитета». Наконецъ, я присоединяюсь къ высказанному мнѣнію, что было-бы излишне связывать авторовъ и запрещать имъ изыскивать другія средства для того, чтобы достигнуть поставленной цѣли.

Веселаго. Я думаю, что, по смыслу деклараціи, вооруженный нейтралитетъ выразился въ то время въ извѣстной формѣ, т. е. въ формѣ посланки нѣсколькихъ эскадръ, которыя были всегда готовы непосредственно силою поддерживать положенія деклараціи. Но вѣдь эта форма можетъ быть со временемъ совершенно измѣнена. Въмѣсто непосредственной силы, т. е. вооруженія цѣлыхъ, сильныхъ эскадръ, можетъ быть самый легкій надзоръ крейсерами, именно только надзоръ, но самый результатъ будетъ такой-же, какой явится отъ дѣйствія большой силы. Вооруженный нейтралитетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ осуществленъ при Екатеринѣ II, не есть единственная форма, въ которой сила поддерживаетъ положенія деклараціи. Слѣдовательно, я совершенно согласенъ съ проф. Мартенсомъ, который говоритъ, что въ сущности пониманія деклараціи заблуждается уже и понятіе о вооруженномъ нейтралитетѣ, поне въ частности, а во всѣхъ видахъ, въ какихъ онъ только могъ-бы существовать.

Остряковъ. По моему мнѣнію, иначе нельзя поступить, нельзя стѣснять автора. Указывая ему, чтобы онъ писалъ въ духѣ и цѣляхъ деклараціи, прибавлять еще, чтобы онъ говорилъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, было-бы совершенно излишне. О вооруженномъ нейтралитетѣ нельзя не говорить, если только коснуться деклараціи.

Долговъ. Я согласенъ съ проф. Мартенсомъ, что невозможно отдѣлать принципы деклараціи отъ вооруженнаго нейтралитета. Это такъ неразрывно связано, что составляетъ какъ-бы одно цѣлое. Хотя, если въ понятіе перваго вооруженнаго нейтралитета входитъ понятіе деклараціи, то нельзя сказать, что въ понятіе деклараціи входитъ понятіе перваго вооруженнаго нейтралитета, потому что декларація могла появиться на свѣтъ, а вооруженный нейтралитетъ могъ не создаться, декларація могла быть не принята, по въ виду того, что она была принята, въ виду того, что вооруженный нейтралитетъ былъ созданъ именно на принципахъ деклараціи,—въ настоящее время декларація и первый вооруженный нейтралитетъ

есть нѣчто такое, чего разрывать невозможно. Но затѣмъ я полагалъ-бы неудобнымъ назначить тѣму сочиненія «въ цѣляхъ и духѣ Екатерининской деклараціи», потому что при такой редакціи тѣмы конкурентамъ ставится слишкомъ узкая и пожалуй невозможная рамка. Конкурентъ долженъ написать непременно въ духѣ Екатерининской деклараціи. Но можетъ быть вопросы, затронутыя и рѣшаемые деклараціей въ «духѣ и цѣляхъ» 1780 г.—разрѣшаются совершенно противоположно въ «духѣ и цѣляхъ» 1880 г. Между тѣмъ авторъ будетъ обязанъ написать непременно въ духѣ деклараціи 1780 года, не смотря на то, что можетъ быть современный взглядъ, современное воззрѣніе юристовъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ духомъ деклараціи Екатерины II. Поэтому я полагалъ-бы правильнѣе не стѣснять автора слишкомъ узкой рамкой; въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, было-бы правильнѣе ограничиться обязательствомъ написать сочиненіе «по вопросамъ, затронутымъ деклараціей Екатерины II».

Тогда конкурентъ не будетъ обязанъ писать сочиненіе, пригодное для 1780 г., а по вопросамъ, затронутымъ деклараціей, напишетъ курсъ современнаго международнаго права или современное положеніе этихъ вопросовъ, хотя при этомъ можетъ случиться и то, что конкурентъ, принявшійся писать сочиненіе съ цѣлію *чествовать* созданіе Екатерины придетъ къ выводамъ противоположнымъ, и въ курсѣ современнаго международнаго права 1880 г., напишетъ нѣчто такое, что далеко не будетъ соответствовать чествованію Екатерининскаго акта. Но во всякомъ случаѣ, я полагалъ-бы, исключивъ слово въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи, обязать автора писать не по какому-либо другимъ вопросамъ, какъ только по вопросамъ Екатерининской деклараціи.

Фридеманъ. Я полагаю, что не слѣдуетъ связывать автора, потому что повѣйшія изслѣдованія могутъ идти далѣе.

Брылкинъ. Въмѣсто словъ «въ духѣ деклараціи», слѣдовало-бы сказать: по вопросамъ, затронутымъ въ деклараціи. Это полнѣе.

Мартенсъ. Общество, сколько я понимаю, имѣетъ цѣлью чествовать столѣтіе юбилея одного изъ наиболѣе славныхъ актовъ Екатерины II. Въ виду такой цѣли, понятно, что премія, которая будетъ учреждена для вознагражденія лучшаго труда, должна соответствовать этой цѣли и самое сочиненіе должно быть не памфлетомъ. Вотъ почему, когда общество въ прошлый разъ постановило, что сочиненіе должно быть написано «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи», то оно имѣло въ виду, на сколько мнѣ кажется, предупредить, чтобы не получило премію сочиненіе, можетъ быть, дѣльное, но имѣющее всѣ качества памфлета и представляющее самую полную критику на досточтимый актъ Екатерины II. Вотъ какими соображеніями были вызваны слова «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи». Наконецъ, въ пользу оставленія этихъ словъ я приведу еще слѣдующія соображенія. На сколько мнѣ извѣстна современная литература международнаго права, слова «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи» выражаютъ то же, что «въ

духѣ и цѣляхъ современнаго морскаго международнаго права», такъ какъ ихъ понимаютъ наилучшіе представители науки, за исключеніемъ самыхъ ярыхъ англійскихъ писателей. Поэтому всякій, который напишетъ сочиненіе «въ духѣ и цѣляхъ деклараціи», напишетъ его въ духѣ современнаго международнаго права. Онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ почти всѣхъ континентальныхъ юристовъ, всѣхъ, которые когда-либо возставали противъ насилія Англіи и которые желали охранить права безсильныхъ морскихъ державъ. Въ такомъ значеніи деклараціи 1780 года, я вижу одно изъ лучшихъ правъ Екатерины II на благодарность нашего образованнаго XIX вѣка. Она въ своей деклараціи ясно высказала, на чьей сторонѣ дѣйствительно право, правда и справедливость. На сколько Екатерина II дѣйствительно предвидѣла будущее направленіе морскаго международнаго права, видно изъ того, что самые ярые противники ея, особенно Англія, объявившая въ 1780 г. что Екатерининская декларація является выдумкою и не имѣетъ никакого здраваго смысла, та же Англія, въ 1856 г., на парижскомъ конгрессѣ, торжественнымъ образомъ подписала главные положенія, выраженныя Екатериной II. Парижская декларація 1856 г. представляется, въ значительной степени копіею и, притомъ, не вполне удачною, акта 1780 года. Поэтому мнѣ кажется, что если въ резолюціи нашей оставить словъ «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи», то эти слова вполне выражаютъ направленіе, господствующее въ настоящее время при разработкѣ вопросовъ морскаго международнаго права.

Долговъ. Допускаю, хотя и не совсѣмъ несогласенъ съ тѣмъ, что сочиненіе, написанное «въ духѣ Екатерининской деклараціи 1780 г.»—будетъ въ то-же время и «въ духѣ современнаго международного права 1880 г.» Но въ такомъ случаѣ мы рискуемъ получить сочиненіе, которое будетъ написано «въ духѣ Екатерининской деклараціи», но никакъ не въ исключительныхъ интересахъ Россіи, и въ такомъ случаѣ мы рискуемъ наградить значительной преміей автора, который напишетъ сочиненіе не только не полезное, но напротивъ, въ высшей степени вредное для интересовъ Россіи. Поэтому, я не совсѣмъ хорошо понимаю: какое-же сочиненіе желательно собранію имѣть и за какое сочиненіе собраніе желаетъ назначить премію: за такое-ли, которое будетъ восхвалять собственно Екатерину II, или за такое, которое будетъ написано «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи 1780 г.», или за такое, которое будетъ написано «въ исключительныхъ интересахъ Россіи». Эти три тѣмы несовмѣстны въ одномъ сочиненіи. Сочиненіе, написанное въ духѣ деклараціи, можетъ быть и не будетъ хвалить Екатерину, такъ какъ наиримѣрь, не всѣ еще даже русскіе ученые убѣждены въ томъ, что декларація 28 февраля 1780 г. есть созданіе Екатерины II. Сочиненіе, написанное въ духѣ Екатерининской деклараціи, какъ я сказалъ, можетъ быть и не будетъ служить исключительнымъ интересомъ русскихъ. Для примѣра укажу на *корсарство* и тѣсно связанный съ нимъ захватъ частной непри-

ятельской собственности. По мнѣнію оратора, сочиненіе написанное въ духѣ Екатерининской деклараціи—должно быть и непремѣнно будетъ въ духѣ современнаго международнаго права, т. е. въ духѣ парижской деклараціи 16 апрѣля 1856 г., ибо эта послѣдняя есть ничто иное, какъ копія деклараціи 28 февраля 1780 г. Поэтому, авторъ, обязанный писать въ духѣ Екатерининской деклараціи и ея копіи—парижской деклараціи, долженъ будетъ доказывать необходимость полнаго и безусловнаго уничтоженія корсарства и каперства. Но будетъ-ли это въ интересахъ исключительно русскихъ? Я убѣжденъ, что найдется много такихъ, которые будутъ доказывать, и вполне логично и основательно, что корсарство и каперство въ случаѣ морской войны необходимы для Россіи и что слѣдовательно, парижская декларація въ данный моментъ хотя-бы по вопросу о корсарствѣ, въ высшей степени вредна для Россіи. Между тѣмъ авторъ, обязанный писать «въ духѣ Екатерининской деклараціи», долженъ будетъ поневолѣ доказывать, что корсарство и каперство должны быть уничтожены и, слѣдовательно, такой авторъ получить премію за сочиненіе, которое будетъ написано далеко не въ исключительныхъ интересахъ Россіи. Вопросъ о каперствѣ есть вопросъ самый жгучій для Россіи вообще и русскаго морскаго дѣла въ особенности, не только на случай войны съ морскою державою, но и для развитія нашего торговаго флота. Затѣмъ далѣе, проф. Мартенсъ указываетъ на то, что Англія въ 1856 г. торжественнымъ образомъ подписала главныя положенія Екатерининской деклараціи, и этимъ какъ-бы старается доказать, что Англія сдѣлала какъ-бы уступку, и что парижская декларація, какъ послѣднее слово науки, не только обязательна, но и полезна для интересовъ Россіи. Для опроверженія этого, я къ сожалѣнію не могу сослаться на русскихъ авторовъ, и поневолѣ долженъ сослаться для защиты русскихъ интересовъ на иностранныхъ писателей. Почти всѣ французскіе писатели по международному праву доказываютъ необходимость корсарства и каперства, а такой знаменитый ученый какъ Отфель прямо говоритъ, что парижская декларація есть ничто иное, какъ результатъ искусной политики Англіи, и при этомъ прибавляетъ, что насколько искусна была политика Англіи въ проведеніи этой деклараціи, на столько непolitично и опасно было со стороны остальныхъ державъ согласиться на это. Интересы Англіи заставляли уничтожить корсарство, потому что никто такъ не страдаетъ отъ него, какъ англійская торговля.

Поэтому парижская декларація есть не болѣе какъ ловушка, разставленная послѣ крымской войны, когда по словамъ того-же Отфеля, Англія съ свойственною ей ловкостью, прикрывшись мантией гуманности и человеколюбія, искусно разставила сѣти, въ которыя невольно попались остальные государства. Но, не смотря на громадный авторитетъ этой деклараціи, Отфель говоритъ, что она не можетъ еще образовать международнаго закона. Слѣдовательно, если собраніе захочетъ написать сочиненіе «въ духѣ и цѣляхъ Екатерининской деклараціи», то оно рискуетъ получить такое со-

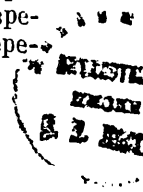
чиненіе, въ которомъ русскіе интересы не будутъ соблюдены; рискуетъ получить сочиненіе, въ которомъ неизбѣжно будетъ доказываться законность, полезность и обязательность для Россіи парижской деклараціи, а это быть можетъ вовсе не будетъ въ интересахъ Россіи, наоборотъ, будетъ вредно для русскихъ интересовъ, и слѣдовательно, мы наградимъ большой преміей такого автора, который напишетъ намъ сочиненіе по морскому международному праву, не только не пригодное, но въ высшей степени вредное для Россіи и ея морскихъ интересовъ.

Фридеманъ. Я желаю обратить вниманіе на то, что Англія вовсе не торжественно присоединилась къ парижской деклараціи, какъ говорилъ ораторъ. Когда впоследствии, по подписаніи парижской деклараціи Англіею, о ней зашла рѣчь въ англійскомъ парламентѣ, то одинъ изъ ораторовъ, лордъ Кларендонъ, замѣтилъ, что если-бы въ парламентѣ былъ поднятъ вопросъ о парижской деклараціи раньше, чѣмъ она была подписана, то парламентъ никогда не согласился-бы на подписаніе ея, такъ что указаніе на то, что Англія будто-бы присоединилась къ идеямъ деклараціи Екатерины II, представляется неправильнымъ.

Предсѣдатель. Я просилъ-бы ораторовъ не упускать изъ виду обсуждаемаго вопроса: слѣдуетъ-ли оставить въ резолюціи слова «въ духѣ и цѣляхъ деклараціи» или ихъ исключить?

Остряковъ. Нужно сперва хорошенько усвоить ту мысль, какого мы сочиненія желаемъ: такого-ли, которое было-бы написано въ заранѣе предусмотрѣнномъ духѣ, или желаемъ свободнаго выраженія мысли. Я думаю, всѣ убѣждены въ томъ, что декларація 1780 г. останется вѣковѣчнымъ славнымъ памятникомъ Екатерины II. Мы убѣждены также, что сочиненіе, если оно будетъ только современно, то оно непременно будетъ написано въ духѣ и цѣляхъ деклараціи 1780 г. Но въ настоящее время ставить это будущему автору въ обязанность, значитъ вызывать его только на пангирикъ. Я полагаю будетъ достойнѣе, если авторъ совершенно свободно составитъ это панегирикъ, нежели подчинится тѣмъ требованіямъ, которыя здѣсь заявляются.

Предсѣдатель. Не угодно-ли еще кому-либо изъ гг. присутствующихъ сдѣлать какое-либо заявленіе по тому-же 4—5-му вопросу (молчаніе)... Въ такомъ случаѣ я позволю себѣ высказать и свое личное мнѣніе. Требованіе, чтобы въ представляемомъ сочиненіи были выяснены «духъ и цѣли деклараціи 1780 года» должно быть разсматриваемо какъ условіе, естественно вытекающее изъ обстоятельства, служащаго поводомъ устроенія конкурса. Это условіе не должно однако поглощать собою вниманіе конкурентовъ, потому что главнѣйшею ихъ задачею должно быть не только разъясненіе историческаго значенія деклараціи 1780 г., сколько обсужденіе вопросовъ или предметовъ, вошедшихъ въ декларацію, въ ихъ современномъ значеніи и съ точки зрѣнія собственно русскихъ интересовъ.



Затѣмъ, большинствомъ 13 голосовъ противъ 6, постановлено слѣдующая резолюція:

Первою конкурсною темою должна быть декларація 1780 г., представляемая сочиненія должны быть написаны «въ духъ и цѣль» Екатерининской деклараціи».

3-го апрѣля.

Предсѣдатель. Мм. Гг. До сихъ поръ мы держались въ преніяхъ той программы, которая была мною составлена и Вами одобрена. Весьма возможно, однако, что многіе изъ присутствующихъ желали-бы сдѣлать то или другое заявленіе, имѣющее прямое отношеніе къ цѣли нашего собранія, но которое до сихъ поръ не могло быть сдѣлано, какъ не служащее прямымъ отвѣтомъ ни на одинъ изъ первыхъ пяти вопросовъ программы; возможно, что многіе изъ членовъ собранія желали-бы указать на какія-либо положенія или вопросы, считаемые или особенно существенными, или изученіе которыхъ въ будущихъ конкурсныхъ сочиненіяхъ они находятъ особенно полезнымъ. Эти предположенія побудили меня, по совѣту профессора Мартенса, дополнить программу нашей бесѣды шестью вопросомъ, заключающимся въ слѣдующемъ:

Не желаютъ-ли присутствующіе заявить какіе-либо принципиальныя взгляды, или указать какія-либо вопросы, на которые они считаютъ полезнымъ обратить вниманіе собранія.

Ограниченность времени, вѣроятно, не позволитъ намъ подробно обсудить эти вопросы и придти по нимъ къ какимъ-либо резолюціямъ; но сдѣланныя заявленія, безъ сомнѣнія вызовутъ обмѣнъ мнѣній, который послужитъ полезными указаніями для тѣхъ, на комъ будетъ лежать окончательная организація конкурса. Поэтому, если Вамъ угодно, Мм. Гг., то я прошу приступить къ преніямъ по вопросу шестому.

Копытовъ. Я уже заявлялъ о своей солидарности съ прочтенною статьею М. В. и тезисы, въ ней выставленные, я считаю существенно важными. Эти тезисы слѣдующіе:

1) Воюющіе должны имѣть полную возможность бороться съ врагомъ всѣми своими силами, безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ только дѣйствій жестокости.

2) Нанесеніе имущественнаго вреда непріятелю должно составлять главное средство войны, какъ весьма чувствительное, но невызывающее кровопролитія, а потому, сравнительно, болѣе гуманное. Всякаго рода имущество непріятеля должно подлежать захвату, при чемъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія воюющаго будетъ зависеть не подвергать захвату какую-либо часть или видъ оного.

3) Военная контрабанда должна быть отмѣнена въ интересѣ торговли нейтральныхъ.

4) Съ тою же цѣлью понятіе дѣйствительной блокады имѣть быть строго и точно опредѣлено.

5) Нейтральные обязаны сохранять свои мирныя отношенія къ каждому изъ воюющихъ, безъ всякой перемѣны, не взирая на то, что они между собою въ войнѣ.

Мартенсъ. Вопросъ о военной контрабандѣ, дѣйствительно весьма сложный, и спорный доказательствоуъ чего служить, что здѣсь только что были высказаны два совершенно противоположныя мнѣнія по этому предмету. Одно изъ нихъ старается достигнуть того, чтобы совсѣмъ отмѣнить самое понятіе о военной контрабандѣ.

Если авторъ представленнаго на конкурсѣ сочиненія возьметъ на себя задачу развить эту мысль, то онъ прямо становится въ разрѣзъ съ духомъ Екатерининской деклараціи; это одна сторона, обнаруживающая невозможность становиться на ту точку зрѣнія, если желательно развивать основныя мысли Великой Императрицы. Есть еще другое соображеніе, представляющее болѣе практическимъ, а именно, если согласиться съ тѣмъ, что военная контрабанда должна быть отмѣнена, то мы никакой услуги не окажемъ ни Россіи, ни остальнымъ незначительнымъ морскимъ державамъ, такъ какъ отмѣна понятія о военной контрабандѣ будетъ выгодна только для Англіи. Эта держава, бывшая въ прошломъ столѣтіи почти постоянно въ положеніи воюющаго государства, въ нынѣшнемъ столѣтіи обыкновенно бываетъ нейтральною. Напримѣръ изъ послѣдней войны извѣстно, когда Англія также оставалась нейтральною, что англійскіе купцы и заводчики занимались доставкою военной контрабанды въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Англійское правительство оставляло безъ вниманія протесты, заявленные Россіею противъ подвоза Турціи предметовъ военной контрабанды. Англійскіе купцы исключительно руководствуются коммерческимъ расчетомъ и англійское правительство приняло на себя совершенно пассивную роль. Къ какимъ страннымъ явленіямъ можетъ привести погоня за наживою всѣми средствами, можно видѣть изъ того, что англійскія фабрики въ Манчестерѣ даже идоловъ приготавливаютъ для индусовъ, въ то время, когда англійскіе же миссіонеры распространяютъ тамъ христіанство и, съ опасностью жизни, сокрушаютъ тѣхъ же идоловъ. Слѣдовательно, англичане не легко отрекутся отъ возможности, чрезъ подвозъ военной контрабанды воюющимъ государствамъ, получать огромные барыши. Отмѣняя же военную контрабанду, можно только приобрести право на особенную признательность Англіи.

Но несравненно было-бы полезнѣе, если-бы практики военноморскаго дѣла дали-бы нѣкоторые наставленія теоретикамъ и указали-бы на такіе практическіе вопросы, о которыхъ ничего въ сочиненіяхъ по морскому международному праву не говорится, а потому упускаются изъ виду людьми науки. Если дѣйствительно въ 6-мъ пунктѣ программы указать на такія стороны вопроса, которыя представляютъ на практикѣ и на которыя ни въ какихъ ученыхъ сочиненіяхъ мы не находимъ отвѣта, то это было-бы полезнѣе и каждый авторъ отнесется къ такимъ указаніямъ только съ благодарностью.

Полетика. Я не буду обсуждать теперь предложеніе г. Кош-

това и пока ограничусь только замѣчаніемъ, что лично въ высшей степени антипатично первое положеніе, что надо наносить преимущественно имущественный вредъ непріятелю. На основаніи этого положенія, нашимъ войскамъ въ послѣднюю войну лучше было-бы избѣгать встрѣчъ съ войсками непріятеля, а направить свои дѣйствія на истребленіе турецкаго имущества.

Гердь. Я желалъ-бы обратить вниманіе на второй тезисъ, выставленный въ статьѣ «Моск. Вѣд.», что нанесеніе имущественнаго вреда должно составлять главное средство войны, какъ весьма чувствительное, но не вызывающее кровопролитія. Мнѣ кажется, что если-бы этотъ тезисъ былъ принятъ, то онъ не былъ-бы въ духѣ гуманности, въ духѣ деклараціи Екатерины II. Если я хорошо понимаю этотъ тезисъ, то авторъ статьи предлагаетъ, чтобы вредъ наносился не только правительственному имуществу, но и имуществу частныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, вредъ, наносился-бы и мирнымъ жителямъ, неучаствующимъ въ войнѣ, что было бы совершенно несправедливо.

Брылнинъ. Я совершенно согласенъ съ тезисами, которые защищалъ Н. В. Копытовъ, и нахожу ихъ въ высшей степени гуманными и справедливыми. Хотя и говорятъ, что мирныхъ гражданъ не слѣдуетъ обижать, но я думаю, отчего-же? Вѣдь мирные граждане доставляютъ средства воюющей сторонѣ; слѣдовательно, эти граждане должны поставить дѣла въ своемъ государствѣ такъ, чтобы дѣйствительно нельзя было-бы воевать; вѣдь война ведется съ ихъ содѣйствіемъ.

Мартенсъ. Какое имѣютъ здѣсь значеніе тезисы, выставленные въ статьѣ «Моск. Вѣд.»

Предсѣдатель. Въ отвѣтъ на вопросъ Н. В. Копытовъ считъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе собранія; принятіе этихъ тезисовъ онъ лично признаетъ существенно важнымъ.

Мартенсъ. Но это только личное мнѣніе автора статьи и Н. В. Копытова.

16-го апрѣля.

Долговъ. Не найдетъ-ли собраніе нужнымъ самостоятельно поставить и этотъ вопросъ: желаетъ-ли оно, чтобы конкурентъ высказался за захватъ частной собственности или противъ.

Предсѣдатель. Я не могу исполнить Вашего желанія, потому что исполненіе его отвлекло-бы собраніе въ сторону; моя обязанность заключается, напротивъ, въ томъ, чтобы просить ораторовъ не останавливаться на частныхъ вопросахъ морскаго международнаго права, и, по возможности, не удаляться отъ главной цѣли собранія—общаго опредѣленія конкурсной задачи.

Фридеманъ. Я думаю, что чрезвычайно важно, идетъ-ли вопросъ только о захватѣ казенной собственности или и частной. Если вопросъ идетъ и о частной собственности, то не достигнется та цѣль, которую собраніе имѣетъ въ виду. Надо чтобы ученое изъ

слѣдованіе дошло до того, чтобы воюющія не имѣли права касаться частной собственности, все равно воюющихъ или нейтральныхъ. Поэтому этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ и я считаю, что конкуренты должны обратить на него особенное вниманіе.

Мартенсъ. Я просилъ-бы общество выразить желаніе, чтобы авторы исключительно держались на почвѣ Екатерининской деклараціи и старались разрабатывать тѣ вопросы, которые въ ней подняты. Если общество выразить желаніе, чтобы авторы занимались вопросомъ о судьбѣ частной собственности вообще во время войны, тогда они должны будутъ въ значительной степени выходить изъ предѣловъ, поставленныхъ Екатерининской деклараціею. Я позволю себѣ думать, что всесторонняя разработка однѣхъ 5 статей деклараціи доставить авторамъ столько труда, что отъ нихъ нельзя еще требовать подробнѣйшаго изслѣдованія вопроса о судьбѣ частной собственности вообще во время военныхъ дѣйствій.

Предсѣдатель. Не желаетъ ли еще кто либо изъ присутствующихъ высказаться въ пользу тезисовъ извѣстной статьи «Моск. Вѣд.» или, просто не мотивируя своего мнѣнія, заявить свое единомысліе съ содержаніемъ этихъ тезисовъ? (Молчаніе). Нѣтъ ли желающихъ говорить противъ этихъ тезисовъ въ дополненіе или развитіе того, что уже было сказано противъ нихъ? (Молчаніе).... Въ такомъ случаѣ, я считаю, что собраніе признаетъ состоявшійся обмѣнъ мнѣній по тезисамъ прочитанной статьи достаточнымъ и прошу Александра Ивановича (Любимова) представить собранію свое предложеніе.

Любимовъ. Наступающая годовщина столѣтія деклараціи 1780 года даетъ основаніе почтить ея лучшимъ и прекраснѣйшимъ образомъ: попыткою сдѣлать шагъ впередъ по открытой ею дорогѣ. Какъ способъ для этого, проектируется учрежденіе преміи за лучшее сочиненіе, разрабатывающее тѣ же вопросы, которые выдвинуты деклараціею 1780 года. Думаю, что этого не вполне достаточно. Если представленныя для соисканія премій сочтены будутъ только научными трудами, то практическое разрѣшеніе вопросовъ хотя и подвинется впередъ, но очень мало; между тѣмъ преимущественное значеніе имѣетъ возможность практическаго разрѣшенія вопросовъ. Поэтому премія должна быть установлена за лучшій проектъ международныхъ правилъ, постановляемыхъ въ дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе принциповъ деклараціи 1780 года. Такой проектъ не будетъ чуждъ и цѣлей научныхъ. Онъ можетъ и даже долженъ сопровождаться объяснительною запискою автора, которая безспорно будетъ заключать въ себѣ свойства научнаго труда по морскому международному праву. Затѣмъ я полагаю, что лучшій и удостоенный преміи проектъ можетъ и долженъ подлежать обсужденію и переработкѣ со стороны назначающаго премію учрежденія, долженъ быть напечатанъ со всѣми послѣдовавшими при обсужденіи его преніями и резолюціями (на что должна быть заранѣе отдѣлена часть ассигнованной на преміи суммы) и въ окончательномъ своемъ видѣ представленъ правительству при ходатайствѣ предложить его

на обсужденіе международнаго конгресса. Лишь при этомъ условіи назначеніе преміи и составленіе проектовъ будетъ имѣть смыслъ.

Предсѣдатель. Прошу Васъ точнѣе опредѣлить, что именно Вы разумѣете, въ данномъ случаѣ, подъ словомъ „проектъ“.

Любимовъ. Я забочусь главнымъ образомъ о томъ, чтобы цѣль конкурса была практическая. Я полагаю сдѣлать для автора обязательнымъ привести въ концѣ сочиненія тезисы, какъ выводъ изъ его сочиненія съ одной стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ проеетъ правилъ, которыя могли бы быть осуществлены, если бы они были приняты путемъ международнаго соглашенія. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказыаю «проектъ» правилъ. Будутъ ли эти правила изложены въ концѣ сочиненія въ видѣ тезисовъ или въ отдѣльной брошюрѣ, я желаю только, чтобы они представляли возможность примѣненія ихъ на практикѣ.

Предсѣдатель. Слѣдовательно, предложеніе состоитъ въ томъ, что вы желаете только побудить авторовъ резюмировать свой трудъ въ формѣ заключительныхъ положеній.

Любимовъ. Да. Кромѣ того, такъ какъ общество задается практическою цѣлью, то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы выдавать премію не за лучшее сочиненіе какъ научный трудъ, а за лучший проеетъ правилъ, которыя должны имѣть непосредственное практическое примѣненіе.

Веселаго. Резолюція, которая принята по 5 вопросу, мнѣ кажется, обнимаетъ собою все, что было сказано въ отдѣльности гг. членами, говорившими сегодня. Если мы приведемъ слова «всестороннее разсмотрѣніе трактата», то это будетъ заключать въ себѣ и историческія свѣдѣнія о самыхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ Англіи и другихъ державъ, будетъ заключать въ себѣ морской международный трактатъ, будетъ заключать въ себѣ и то, что было угодно сказать послѣднему оратору. Однимъ словомъ, я думаю, не предполагается связывать автора сочиненія какими нибудь особенно тѣсными рамками. Задавши общую тему, ему предоставляется полная свобода разработать вопросъ всесторонне. Слѣдовательно уже отъ его заключенія, отъ хода самаго изложенія будетъ завистъ въ большей или меньшей степени коснуться тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ желательно выслушать его мнѣніе. Можетъ быть и по всей вѣроятности въ это сочиненіе войдетъ эта мысль объ общемъ судилищѣ, какъ *ria disideria*, потому что это касается не только морскаго права, но это мировая задача. Съ рѣшеніемъ этой задачи уничтожатся огромные расходы государствъ на содержаніе военныхъ силъ. Тогда эти расходы обратятся на развитіе государствъ. Всѣ стараются объ этомъ, но это идетъ тихими шагами, и если въ частныхъ случаяхъ мы видимъ удовлетворительное рѣшеніе этой задачи, что государства подчиняются этому, то это только въ частныхъ случаяхъ; обстоятельства, въ которыя ставится извѣстный вопросъ, даютъ извѣстныя условія, которымъ государства подчиняются безпрекословно. Но покуда это, кажется, не выходитъ изъ ряда частныхъ случаевъ. Конечно, съ увеличеніемъ

этих частных случаев будетъ выработанъ и общій результатъ, на которомъ въ послѣдствіи остановится человѣчество. Но это слишкомъ отдаленное время. Такимъ образомъ все, что было сказано противъ этой темы, выработанной въ прошломъ засѣданіи, прямо обращается въ ея пользу, если мы скажемъ о всесторонней разработкѣ идей трактата 1780 г.

Мартенсъ. Можетъ быть я не вполне понялъ мысль г. Любимова. Но если эта мысль имѣетъ цѣлью заставить автора выразить въ точныхъ положеніяхъ тѣ правила международного права, которыя онъ находитъ выгодными не только для Россіи, но и для другихъ государствъ и которыя могутъ быть приняты путемъ международного соглашенія, то я присоединяюсь къ сдѣланному предложенію. Только я присоединяюсь при томъ условіи, что этотъ проектъ правилъ или принциповъ не будетъ имѣть характера тѣхъ ученыхъ тезисовъ, которые защищаются на университетскихъ диспутахъ. Можетъ быть г. Любимовъ согласится формулировать свое предложеніе такимъ образомъ: выразить желаніе отъ общества, чтобы каждый авторъ представилъ проектъ международного трактата, который заключалъ бы въ себѣ тѣ начала морскаго международного права, принятіе которыхъ правительствами было бы желательно. Въ такомъ случаѣ государственнымъ дѣятелямъ и дипломатамъ дана была возможность ознакомиться въ случаѣ надобности съ тѣми основными положеніями, включеніе которыхъ въ трактаты, заключаемые хотя бы Россіей, было бы весьма полезно. Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, предложеніе г. Любимова можетъ имѣть свою практическую пользу.

Предсѣдатель. Слѣдовательно вы желаете, чтобы авторъ, независимо отъ догматической части своего труда, сдѣлалъ бы къ нему еще приложение.

Пр. Мартенсъ. Да. Это приложение можетъ быть хотя бы въ видѣ проекта международного трактата, который заключалъ бы въ себѣ главнѣйшія начала морскаго международного права.

Долговъ. Для меня предложеніе г. Любимова представляется не совсемъ яснымъ. Г. Мартенсъ понялъ его въ томъ смыслѣ, что желательно имѣть готовые образцы основныхъ положеній для включенія ихъ въ трактаты, а я понялъ предложеніе такъ, что г. Любимовъ желаетъ выработать проектъ готоваго уже кодекса или положеній закона, которыя желательно принять для руководства.

Любимовъ. Я имѣлъ въ виду проектъ такого кодекса, который могъ бы быть принятъ въ послѣдствіи.

Предсѣдатель. Слѣдовательно пр. Мартенсъ вѣрно понялъ ваше предложеніе?

Любимовъ. Совершенно вѣрно.

Пр. Мартенсъ. Позвольте еще сдѣлать одинъ вопросъ: требуется ли составленіе цѣлаго „кодекса“ или только нѣсколькихъ статей? Если, какъ я думалъ, будетъ выставлено 15—20 такихъ руководящихъ принциповъ, которые должны войти въ международные

договоры, то это будетъ исполнѣ достаточно. Но если это будетъ цѣлый кодексъ, то надо написать отдѣльный специальный трудъ.

Любимовъ. Можетъ быть выраженіе «кодексъ» ввело въ заблужденіе. Я имѣлъ въ виду проектъ правилъ по тѣмъ вопросамъ, которые затронуты въ деклараціи.

Мартенсъ. Тогда я съ этимъ согласенъ.

Предсѣдатель. Если состоявшійся обмѣнъ мнѣній по поводу предложенія А. И. Любимова собраніе признаетъ достаточнымъ, то не имѣется ли какихъ либо другихъ заявленій въ отвѣтъ на вопросъ 6.

Фридеманъ. Я желаю, чтобы авторъ обратилъ вниманіе и работалъ вопросъ о томъ, что блокаду слѣдуетъ ограничить только военными портами и исключить коммерческіе.

Пр. Мартенсъ. Я въ пользу того, чтобы блокада простиралась не только на военные, но и на коммерческіе порты.

Долговъ. Вопросъ о блокадѣ также стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о захватѣ *частной* непріятельской собственности. Поэтому, пока частная собственность во время войны будетъ подлежать захвату, до тѣхъ поръ нѣтъ основанія и возможности ограничить блокаду одними военными портами и не распространять ее на коммерческіе порты, какъ на средоточіе частной непріятельской собственности.

Фридеманъ. Я потому полагаю ограничить блокаду военными портами, что если руководствуются правиломъ, что флагъ прикрываетъ грузъ, то это было не логично, потому что если ограждается частная собственность на морѣ, то какъ же можно захватывать ее въ портѣ, тѣмъ болѣе, что захватъ частной собственности на морѣ не приносить такого вреда, какъ въ портѣ.

Предсѣдатель. Не угодно ли сдѣлать еще какія либо заявленія по вопросу 6? (Молчаніе). Въ такомъ случаѣ, прошу позволенія вернуться къ вопросу первому. Вопросъ о необходимости и пользѣ учрежденія былъ поставленъ первымъ. При обсужденіи его собраніе согласилось съ предложеніемъ Н. Я. Лемана, который заявилъ, что учрежденіе конкурса желательно, но опредѣленіе условій, при которыхъ оно можетъ считаться необходимымъ и быть полезнымъ, слѣдуетъ отложить до обсужденія пунктовъ. Такихъ образомъ собраніе признало, что конкурсъ желателенъ, но какой конкурсъ—это должны были показать дальнѣйшія пренія.

Состоявшіяся пренія привели насъ къ нѣсколькимъ, извѣстнымъ вамъ резолюціямъ, которыя представляютъ собою условія, въ которыя собраніе ставитъ этотъ конкурсъ, т. е. только при этихъ условіяхъ, по мнѣнію собранія, конкурсъ желателенъ. Нѣкоторыя изъ этихъ резолюцій, какъ напр. о тѣмъ, о программѣ, обсуждались не только прошлый разъ (3-го апрѣля), но и сегодня (16-го апрѣля); резолюція «о направленіи» также обсуждалась два раза. Что же касается участія иностранцевъ и періодичности конкурса, то эти вопросы обсуждались только въ прошломъ засѣданіи, причемъ собраніе высказалось за періодичность и допущеніе иностранцевъ. Но

затѣмъ мною было получено заявленіе, которое въ протоколъ не занесено, что первый конкурсъ желательно ограничить только русскими. Не угодно ли кому еще высказаться по этимъ вопросамъ.

Глуховской. На какомъ языкѣ будетъ сочиненіе?

Предсѣдатель. Предполагается допускать и на иностранныхъ и на русскомъ языкахъ. Затѣмъ: сочиненіе, представленное на русскомъ языкѣ, будетъ переведено, изъ средствъ конкурса, на французскій.

Глуховской. А если сочиненіе представлено на иностранномъ языкѣ?

Предсѣдатель. Оно будетъ переведено на русскій.

Гердъ. Я подаль голосъ въ пользу участія иностранцевъ, не зная рѣшенія другихъ вопросовъ, напр. о періодичности. Поэтому я желаю высказать свое мнѣніе какъ по вопросу объ участіи иностранцевъ, такъ и о самомъ конкурсѣ.

Предсѣдатель. Прошу васъ ограничиться вопросами о періодичности конкурса и объ участіи иностранцевъ.

Гердъ. Участіе иностранцевъ зависитъ, мнѣ кажется, очень много отъ предмета, или отъ требованія самаго содержанія сочиненія и сущности конкурса. Въ программѣ, которую я имѣлъ, поставлено слово «конкурсъ». Только я не могъ уяснить себѣ хорошо, будетъ ли это международный или домашній конкурсъ. Мнѣ кажется, что для чествованія столѣтія юбилея этой деклараціи было бы желательно, — тѣмъ болѣе, что я знаю, что преміи будутъ періодическія, — чтобы конкурсъ былъ сначала домашній, т. е. чисто русскій, національный, чтобы въ немъ участвовали только одни русскіе и чтобы сочиненія этихъ авторовъ, такъ сказать, приготовили бы путь къ занятіямъ нашихъ депутатовъ при послѣдующемъ международномъ конкурсѣ. Мнѣ кажется, что это было бы тѣмъ болѣе желательно, что тогда сочиненія были бы чисто въ интересахъ русскихъ и наши депутаты на международномъ конкурсѣ, были бы отчасти приготовлены къ заявленію того, что было бы полезно для нашего отечества. Мнѣ кажется, что, защищая интересы чисто русскіе, они могли бы этого достигнуть, принимая за тѣмъ интересы всѣхъ второстепенныхъ морскихъ державъ, ибо такъ какъ за декларацію 1780 г. на нашей сторонѣ были всѣ націи, кромѣ Англіи, то большинство было бы на нашей сторонѣ. Что касается до направленія, то необходимо было бы, чтобы требованія сочиненій были такого рода, чтобы они установили по возможности международныя правила вооруженнаго нейтралитета, которыя бы гарантировали обхожденіе и поступки воюющихъ сторонъ въ отношеніи къ нейтральнымъ державамъ, какъ можно меньше бы стѣсняли....

Предсѣдатель. У насъ вопросъ только объ участіи иностранцевъ. Если угодно, по этому вопросу....

Гердъ. Я хотѣлъ только выразить, что если бы участвовали только одни русскіе подданные, то я бы желалъ, чтобы программа сочиненія была такова, чтобы она направила ихъ на успѣшное

достиженіе той желанной цѣли, именно установленія равенства морскихъ правъ, которыя не существуютъ теперь. Защищая общіе интересы этихъ второстепенныхъ морскихъ державъ и требуя установленія международныхъ законовъ по поводу нынѣ все болѣе и болѣе развивающагося въ христіанскихъ государствахъ духа гуманности и справедливости, авторы этихъ сочиненій и наши депутаты на международномъ конкурсѣ, скорѣй достигли бы всеобщаго соглашенія и результата наиболѣе полезнаго для нашего отечества.

Веселаго. Мнѣ кажется, что нельзя обуславливать патріотизмъ національностью. Можетъ и русскій писатель написать сочиненіе совершенно не патріотическое, можетъ и иностранецъ написать въ чисто русскомъ патріотическомъ духѣ. Но я бы стоялъ за то, чтобы допустить иностранцевъ на первый конкурсъ въ томъ отношеніи, что допущеніе иностранцевъ сдѣлаетъ нашъ конкурсъ знакомымъ и сочувственнымъ всей Европѣ, т. е. приблизитъ именно къ цѣли, которой, кажется, желаетъ достигнуть общество. Ограничивая же конкурсъ русскими писателями, мы этого не достигнемъ. Я сдѣлаю еще одно замѣчаніе, относящееся не прямо къ этому вопросу, но говорившіе касались этого. Много неопредѣленности внесла въ наши пренія не единичность цѣли. У насъ двойственность или даже тройственность цѣли конкурса: во 1) празднованіе юбилея Екатерины II, слѣдовательно почетъ ея имени; во 2) чисто научное сочиненіе, которое бы разрабатывало вопросъ, плаваясь ли въ какія соображенія такъ сказать страстныя, и наконецъ 3) вопросъ въ духѣ пользы Россіи, въ духѣ патріотизма. Я думаю, всѣ замѣтили эту тройственность цѣли; большая часть преній именно касалась ихъ. Но я понималъ, что все-таки основная мысль конкурса, есть чествованіе памяти Екатерины II, по случаю этого міроваго событія.

Остряковъ. Большинство уже приняло, что въ программѣ должно быть сказано «въ духѣ и цѣляхъ деклараціи 1780 г.». Послѣ такого прибавленія, нѣтъ никакого основанія не допускать иностранцевъ къ этому конкурсу. Я желалъ бы, какъ русскій по происхожденію, чтобы лучшее сочиненіе было написано русскимъ. Но если иностранецъ напишетъ лучшее сочиненіе «въ духѣ и цѣляхъ деклараціи», то тѣмъ болѣе такое сочиненіе окажется сочиненіемъ безпристрастнымъ и достойнымъ памяти Екатерины II.

Глуховской. Я не противъ участія иностранцевъ, но считаю существенно важнымъ, чтобы появившееся сочиненіе было обязательно издано на русскомъ языкѣ, чтобы оно было достояніемъ русской литературы.

Предсѣдатель. Нѣтъ-ли желающихъ высказать мнѣніе противъ допущенія иностранцевъ на первую премію? (*молчаніе*). Слѣдовательно, резолюція остается прежнею. Теперь я позволю себѣ спросить собраніе, не признаетъ-ли оно возможнымъ выразить, что всѣ принятые нами резолюціи касаются собственно перваго конкурса, того, который будетъ объявленъ въ день столѣтняго юбилея (*молчаніе*).

Остряковъ. Всегда полезнѣе быть болѣе осторожнымъ и не связывать себя на далекое будущее, какимъ нибудь заранѣе предвзятымъ рѣшеніемъ. Нужно ограничиться первымъ конкурсомъ.

Собраніе единогласно согласилось съ предложеніемъ г. председателя. Затѣмъ, выразивъ глубочайшую благодарность комисіи, представителямъ науки, литературы и другимъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ обсужденіи вопроса о конкурсѣ, председатель объявилъ, что въ послѣднее собраніе, какъ преимущественно распорядительное, онъ позволить себѣ беспокоить приглашеніемъ только тѣхъ, изъ дорогихъ гостей, которые выразятъ ему о томъ желаніе.

Заключительное мнѣніе комиссіи о конкурсѣ въ день столѣтняго юбилея.

27 февраля 1880 года исполнится столѣтіе со времени подписанія императрицею Екатериною II знаменитой деклараціи „о вооруженномъ нейтралитетѣ“. Этотъ историческій день будетъ, конечно, отпразднованъ, соотвѣтственнымъ торжествомъ: но было-бы желательно связать это торжество съ такимъ дѣяніемъ, которое имѣло-бы прямое отношеніе къ славному юбилейному акту и въ то же время принесло-бы современной Россіи *дѣйствительное благо* въ средѣ ея морскихъ международныхъ сношеній, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Мы думаемъ, что именно такимъ дѣяніемъ будетъ всякое мѣропріятіе, которое въ примѣненіи къ морю, выяснитъ права и нужды Россіи и какъ воюющей стороны, и какъ нейтральной и что именно такимъ дѣяніемъ будетъ учрежденіе конкурса, объясняемаго далѣе.

Идея учрежденія конкурса впервые была высказана г. Н. К. въ 28 № «Моск. Вѣд.», за 1879 годъ. Въ этой статьѣ неизвѣстный авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы видимъ, что всѣ главнѣйшія постановленія морскаго международнаго права, сложившіяся подъ вліяніемъ обстоятельствъ и условій прошлаго времени, по своему содержанію крайне односторонни и направлены исключительно къ выгодѣ сильнаго и въ ущербъ слабымъ, что вовсе не соотвѣтствуетъ настоящему понятію и цѣли международнаго права, которое должно обезпечивать обѣимъ воюющимъ сторонамъ справедливость и равенство въ условіяхъ борьбы за свои самые дорогіе интересы. Первое ограниченіе произволу сильнаго надъ слабымъ на морѣ, было положено Екатериною Великою, почти столѣтіе назадъ. Не было-ли бы соотвѣтственнымъ, въ смыслѣ достойнаго воспоминанія объ этомъ великомъ актѣ, дальнѣйшее его развитіе на пользу всего человѣчества, стремленіемъ къ созданію морскаго равновѣсія. Но новый вооруженный нейтралитетъ, какъ показалъ опытъ, невозможенъ... Въ видахъ пересозданія нынѣ дѣйствующаго международнаго кодекса, простѣйшею мѣрою для исполненія этой задачи, ка-

залось-бы, можетъ быть объявленіе междунагоднаго конкурса, съ нѣсколькими значительными преміями, напримѣръ, на общую сумму въ 100,000 рублей, изъ государственныхъ суммъ, или по народной подпискѣ, за *сочиненія о правахъ воюющихъ и нейтральныхъ, на основаніи полнаго безпристрастія, справедливости и равноправности тѣхъ и другихъ*. „Изъ числа вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ этихъ (конкурсныхъ) сочиненіяхъ, мы съ своей стороны позволимъ бы себѣ указать послѣдующіе тезисы:“

1) «Воюющіе должны имѣть полную возможность бороться съ врагомъ всѣми своими силами, безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ только дѣйствій жестокости».

2) «Нанесеніе имущественнаго вреда непріятелю, должно составлять главное средство войны, какъ весьма чувствительное, но невызывающее кровопролитія, а потому, сравнительно, болѣе гуманное. Всякого рода имущество непріятеля должно подлежать захвату, причемъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія воюющаго, будетъ зависеть не подвергать захвату какую либо часть или видъ оного».

3) «Военная контрабанда должна быть отмѣнена, въ интересѣ торговли нейтральныхъ».

4) «Съ тою же цѣлью, понятіе дѣйствительной блокады имѣть быть строго и точно опредѣлено».

5) «Нейтральные обязанности сохранять свои мирныя отношенія къ каждому изъ воюющихъ, безъ всякой перемѣны, не взирая на то, что они между собою въ войнѣ».

Изъ уваженія къ тому обстоятельству, что авторъ названной статьи первый предложилъ учрежденіе конкурса, по поводу столѣтняго юбилея деклараціи 1780 года, мы, впереди самостоятельныхъ преній, обмѣнялись мнѣніями относительно предложеній неизвѣстнаго автора. Къ сказанному на этотъ счетъ, въ протоколѣ засѣданій 3 и 16 апрѣля, мы признаемъ полезнымъ теперь прибавить, что не считаемъ возможнымъ сдѣлать всѣ названные тезисы конкурсною тѣмою, даже подъ условіемъ измѣненія ихъ въ вопросы. Незвѣстный авторъ справедливо говоритъ, что къ конкурсу должны быть допускаемы *сочиненія, трактующіе какъ о правахъ воюющихъ, такъ и о правахъ нейтральныхъ, и притомъ трактующіе на основаніи полнаго безпристрастія и справедливости*; затѣмъ авторъ справедливо не допускаетъ въ нихъ защиту дѣйствій жестокости.

Спрашивается: какимъ образомъ помприть съ этими основными положеніями два первыхъ тезиса того-же автора? Почему, напримѣръ, лишеніе мирныхъ гражданъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ и прочихъ несражающихся—крова, имущества и вообще средствъ къ существованію, гуманнѣе *кровопролитія* среди войскъ, одинаково вооруженныхъ. Вообще мы не думаемъ, что два первыхъ тезиса неизвѣстнаго автора, одинаково касающіеся какъ морской, такъ и сухопутной войны, могли быть конкурсными вопросами, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они редактированы авторомъ. Что касается третьяго тезиса, то сомнительность его пользы, съ русской точки зрѣнія, указана въ протоколѣ; но, мы ничего не имѣемъ про-

тивъ обсужденіи его въ конкурсныхъ сочиненіяхъ какъ вопроса. Наболѣе же вниманія заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, послѣдніе два тезиса, почему на нихъ мы и обращаемъ далѣе вниманіе конкурентовъ.

Перейди затѣмъ къ самостоятельному и подробному обсужденію вопроса о наилучшей тѣмѣ для конкурса (преніе о чемъ дословно изложено въ протоколѣ), мы пришли къ рѣшенію, что программой или тѣмою конкурса, имѣющаго быть объявленнымъ 27 февраля 1880 года, полезнѣе всего сдѣлать декларацію 1780 года, въ полномъ ея составѣ. Другими словами, программой названнаго конкурса должны быть по нашему мнѣнію слѣдующіе пункты: 1) право торговли нейтральныхъ кораблей въ гаваняхъ воюющихъ державъ. 2) Сообщеніе нейтральнымъ кораблемъ нейтральности погруженнымъ въ него товарамъ, если послѣдніе не составляютъ военной контрабанды. 3) Ограниченіе военной контрабанды оружіемъ и военными снарядами, и 4) Точное опредѣленіе дѣйствительности блокады. Всѣ эти вопросы должны быть выяснены съ точки зрѣнія деклараціи 1780 года, т. е. «въ ея духѣ и цѣляхъ»; но на этой исторической сторонѣ дѣла ни коимъ образомъ не должно быть сосредоточено вниманіе конкурентовъ. Безусловно необходимо, чтобы конкуренты обратили преимущественное вниманіе на изученіе этихъ вопросовъ, примѣнительно къ современнымъ условіямъ международныхъ морскихъ сношеній въ военное время и съ точки зрѣнія интересовъ державъ слабыхъ на морѣ.

Въ этихъ видахъ мы считаемъ уместнымъ предупредить конкурентовъ о необходимости обратить серьезное вниманіе на слѣдующее: на равноправность судовыхъ и береговыхъ призовыхъ комиссій; на право воюющихъ посѣщать нейтральную гавань свободно, т. е. какъ въ мирное время, производить продажу и куплю и притомъ какъ для снабженія торговыхъ судовъ, такъ и военныхъ, и, наконецъ, на право воюющихъ пользоваться волонтерными судами подобно тому, какъ въ сухопутной войнѣ допускается пользованіе организованными волонтерными отрядами, и подобно тому, какъ военные суда Англіи комплектуются наемщиками или волонтерами, а не людьми, обязанными государственной службой.

Учрежденіе конкурса, какъ выше указано, выяснитъ интересы державъ слабыхъ на морѣ, а въ томъ числѣ и Россіи — въ области ихъ морскихъ международныхъ сношеній, — равно средства или способы къ осуществленію этихъ интересовъ. Достиженіе вышеуказанныхъ цѣлей будетъ для *Россіи*, по нашему мнѣнію, имѣть высокое практическое значеніе; оно будетъ такимъ приобрѣтеніемъ, которое во многихъ случаяхъ окажется плодотворнѣе даже удачныхъ письменныхъ договоровъ. Практическое значеніе послѣднихъ часто бываетъ только кажущимся, чему исторія даетъ множество доказательствъ (напримѣръ, несоблюденіе Турціею въ послѣднюю войну Женевской и Петербургской конвенцій). Указывая на высокое практическое значеніе проектируемаго конкурса, мы имѣемъ въ виду и то, что вообще только тѣ международныя пись-

менныя обязательства дѣйствительны, которыя соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ требованіямъ и условіямъ государственной жизни даннаго народа въ данное время, и что государственные люди имѣютъ возможность заключать договоры, дѣйствительно полезныя своему краю только тогда, когда въ своей личной дѣятельности, они находятъ уяснителей истинныхъ нуждъ страны и способовъ удовлетворенія ихъ. По отношенію къ предполагаемому предмету конкурса, русскіе интересы не имѣютъ литературной разработки и вліятельному большинству общества, представляются туманными и этотъ весьма важный недостатокъ восполнится конкурсомъ. Для лучшаго и усильнѣйшаго достиженія цѣлей конкурса желательно участіе въ немъ иностранныхъ ученыхъ, возможно высокія преміи и изданіе лучшихъ конкурсныхъ трудовъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Каковъ бы ни былъ, однако, успѣхъ или результатъ проектируемаго дѣла, мы думаемъ, что нельзя ограничиться единовременнымъ, однократнымъ конкурсомъ. Юридическіе вопросы, притомъ столь сложные, какъ вопросъ морскаго международнаго права и тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда базою должны служить мало выясненныя и спорныя интересы,—такіе вопросы не рѣшаются сразу. Поэтому полагаемъ, что, независимо отъ того конкурса, который будетъ объявленъ въ день столѣтняго юбилея деклараціи 1780 года, необходимо установить періодическій конкурсъ по вопросамъ морскаго международнаго права, съ преміями меньшихъ размѣровъ, но съ тѣмъ, что премированныя сочиненія будутъ издаваться на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ. При этомъ условіи періодическій конкурсъ явится какъ бы кафедрой, съ которой, изъ года въ годъ, будетъ раздаваться на русскомъ и иностранныхъ языкахъ проповѣдь тѣхъ началъ, которыя выработаются на нашей родной почвѣ.

Дѣclaration aux Cours de Londres, Versailles et Madrid *).

„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 27, 1780.

L'Impératrice de toutes les Russies a si bien manifesté les sentiments de justice, d'équité et de modération qui l'animent, et a donné des preuves si évidentes pendant le cours de la guerre, qu'Elle avoit à soutenir contre la Porte Ottomane, des égards qu'Elle a pour les droits de la neutralité et de la liberté du commerce général, qu'Elle peut s'en rapporter au témoignage de toute l'Europe. Cette conduite, ainsi que les principes d'impartialité qu'Elle a déployés pendant la guerre actuelle, ont dû Lui inspirer la juste confiance que Ses sujets jouiroient paisiblement des fruits de leur industrie et des avantages appartenants à toute nation neutre. L'expérience a cependant prouvé le contraire; ni ces considérations-là, ni les égards dûs à ce que prescrit le droit des gens universel, n'ont pu empêcher que les sujets de Sa Majesté Impériale n'aient été souvent molestés dans leur navigation et arrêtés dans leurs opérations par celle des Puissances belligérantes.

Ces entraves, mises à la liberté du commerce général et de celui de Russie en particulier, sont de nature à exciter l'attention des Souverains et de toutes les nations nentres. L'Impératrice voit résulter pour Elle l'obligation de l'en affranchir par tous les moyens compatibles avec Sa dignité et avec le bien-être de Ses sujets; mais avant d'en venir à l'effet et dans l'intention sincère de prévenir de nouvelles atteintes, Elle a crû être de Sa justice d'exposer aux yeux

*) Изъ статьи: О вооруженномъ нейтралитетѣ. Составлено съ Высочайшаго соизволенія, по документамъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. „Морской Сборникъ“. 1859 г., № 10. Часть Неоффиц., с. 336—338.

de l'Europe les principes qu'Elle va suivre et qui sont propres à lever tout malentendu, et ce qui pourroit y donner lieu. Elle le fait avec d'autant plus de confiance, qu'Elle trouve consignés ces principes dans le droit primitif des peuples que toute nation est fondée à réclamer, et que les Puissances belligérantes ne sauroient les invalider sans violer les lois de la neutralité et sans désavouer les maximes qu'elles ont adoptées unanimement dans différents traités et engagements publics. Ils se réduisent aux points qui suivent:

I. Que les vaisseaux neutres puissent naviguer librement de port en port et sur les côtes des nations en guerre.

II. Que les effets appartenants aux sujets des dites Puissances en guerre, soient libres sur les vaisseaux neutres, à l'exception des marchandises de contrebande.

III. Que l'Impératrice se tient, quant à la fixation de celles-ci, à ce qui est énoncé dans les articles 10 et 11 de Son traité de commerce avec la Grande-Bretagne *) en étendant ces obligations à toutes les Puissances en guerre.

IV. Que pour déterminer ce qui caractérise un port bloqué, on n'accorde cette dénomination qu'à celui, où il y a par la disposition de la Puissance qui l'attaque avec des vaisseaux arrêtés et suffisamment proches, un danger évident d'entrer.

V. Que ces principes servent de règle dans les procédures et les jugemens sur la légalité des prises.

Sa Majesté Impériale en les manifestant, ne balance point de déclarer que pour les maintenir et afin de protéger l'honneur de Son pavillon, la sûreté du commerce et de la navigation de Ses sujets contre qui que ce soit, Elle fait appareiller une partie considérable de Ses forces maritimes. Cette mesure n'influera cependant d'aucune manière sur la stricte et rigoureuse neutralité, qu'Elle a saintement observée et qu'Elle observera tant qu'Elle ne sera provoquée et forcée de sortir des bornes de modération et d'impartialité parfaite. Ce n'est que dans cette extrémité, que Sa flotte aura ordre de se porter partout, où l'honneur, l'intérêt et le besoin l'appelleront.

En donnant cette assurance formelle avec la franchise propre à Son caractère, l'Impératrice ne peut que Se promettre, que les Puissances belligérantes, pénétrées des sentiments de justice et d'équité, dont Elle est animée, contribueront à l'accomplissement de Ses vues salutaires, qui tendent si manifestement à l'utilité de toutes les nations et à l'avantage même de celles en guerre; qu'en conséquence elles maniront Leurs Amirautes et officiers commandants d'instructions analogues et conformes aux principes ci-dessus énoncés, puisés dans le code primitif des peuples et adoptés si souvent dans leurs conventions.

*) Трактатъ 23 августа 1776 года. (Полн. Собр. Зап., Т. XVII, № 12682).